

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА СКИФСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО И ПРЕДГОРНОГО КРЫМА

Изучение материальной культуры варварского населения Крымского полуострова скифо-сарматского времени и его лепной керамики, являющейся наряду с погребальным обрядом основным материалом для этнокультурных реконструкций, имеет свои особенности. Например, в соответствии с преобладающим направлением, связанным с исследованием позднескифских памятников, главное внимание уделяется керамике позднескифской культуры. О том, что изучение такой керамики оформилась, как самостоятельное направление археологического исследования свидетельствует диссертация В.П.Власова¹. Однако, знакомясь с этой добротной работой, следует видеть три объективные особенности, безусловно, отразившиеся на выводах исследователя. Первая связана с тем, что до сих пор не опубликована ранняя лепная керамика Неаполя скифского, представляющая собой самый значительный комплекс позднескифской лепной посуды. Вторая состоит в том, что сравнение позднескифской и кизил-кобинской керамики, и сейчас затруднено, потому что кизил-кобинские поселения V – III вв. до н.э., с их обильным керамическим материалом, раскопкам либо не подвергались, либо раскапывались на небольших площадях². Соответственно, представления о керамическом комплексе кизил-кобин-

ской культуры на позднем этапе, носят общий характер³. Третья заключается в том, что в конце 90-х гг. прошлого века обстоятельное сравнение крымской скифской и позднескифской керамики, не могло быть проведено, так как первая была опубликована выборочно. Следовательно, даже проблема генезиса позднескифской культуры заставляет обратить самое серьезное внимание на лепную керамику предшествующего времени.

На протяжении нескольких десятилетий особое внимание уделялось изучению керамики кизил-кобинской культуры Горного Крыма, о чем свидетельствуют многочисленные работы О.Д.Дашевской, А.М.Лескова, Х.И.Крис, А.А.Щепинского, В.А.Колотухина, С.Н.Сенаторова. Однако, находки кизил-кобинских сосудов в погребениях со скифским обрядом, либо объяснялись их заимствованием у тавро - кизил-кобинцев⁴, либо, приводили к более сложному заключению, о существовании такой керамики как части единого кизил-кобинского культурного комплекса⁵. Керамика же варварских и греко-варварских поселений в восточной и северо-западной части Степного Крыма, скифских степных погребений, а так же скифских по обряду и времени курганных погребений крымского предгорья, лишь в единичных случаях становилась предметом самостоятельного исследе-

дования. Теперь же, после издания материалов Северо-Крымской экспедиции 1981-1995 гг., проведения раскопок поселения Новопокровка 1, публикации усадьбы Панское 1/6 сформировалась представительная база данных. По видимому, она достаточна для опыта первичной систематизации керамического материала, обнаруженного в ходе разведок и раскопок на территории занятой скифами, то есть за границами или на предгорной границе распространения памятников кизил-кобинской культуры, носителями которой были тавры Горного Крыма.

Соответственно, возник вопрос о методике изучения керамики, который дал основание обратиться к истории изучения степной скифской и кизил-кобинской лепной посуды. Классификация лепных сосудов кизил-кобинской культуры Горного Крыма была разработана А.М.Лесковым в 60-е гг.⁶. Уже тогда, посуда была разделена на простую (нелощеную) и лощеную. Нелощеные сосуды разделялись на кухонные и хозяйственные. Были выделены основные типы посуды, такие как горшки, корчаги, жаровни, дуршлаг-цедилки, миски, чаши, кубки, черпаки, кувшины. В более поздних исследованиях они называются категориями или классами. По особенностям профиля фиксировались сосуды баночной формы, собственно горшки, сосуды шаровидной и грушевидной формы. Орнаменты упоминались при описании посуды, однако классификация их не разрабатывалась. Фактически, на первом этапе был использован технологический принцип группи-

ровки объектов исследования, на втором функциональный, а на третьем морфологический.

Спустя 16 лет была опубликована классификация лепной кизил-кобинской посуды, подготовленная Х.И.Крис на большем по объему материале⁷. Ее основой стал морфологический принцип. По соотношению максимального диаметра и высоты, посуда была разделена на три основные разновидности, которыми, естественно, оказались горшки, сосуды реповидной формы и миски. Далее посуда распределялась по основным категориям, таким как горшки, сосуды реповидной формы, миски, чарки - или черпаки, кубки. Тип сосуда определялся на основе формы тулова, разновидности по абсолютным размерам, что позволило увидеть среди горшков "пифосы", сосуды больших, средних и малых размеров, уплощенные горшки. Подтипы основывались на форме горла, а варианты на степени ее отогнутости⁸. Орнаменты разделялись на рельефные и углубленные, в частности желобчатые и резные. Были определены их основные мотивы и сочетания⁹.

В восьмидесятые-девяностые гг. классификацию лепной керамики Горного Крыма предложил В.А.Колотухин¹⁰. Он отметил такие недостатки классификации Х.И.Крис, как обеднение ассортимента посуды, впрочем, последнее можно принять только по отношению к категориям, произвольную группировку материала и отказ от традиционной терминологии¹¹.

Со своей стороны замечу, что два последних "недостатка", объяс-

няются тем, что, стремясь отразить изменение значения и места морфологических признаков в процессе классификации, Х.И.Крис следовала за материалом. Интуитивные же группировки хорошо фиксируют признаки с абсолютными значениями. Например, разделение керамического массива по таким качественным особенностям как технология обработки поверхности, или разделение на открытые и закрытые сосуды будет в основном однозначным. Более напряженно происходит распределение посуды по категориям. А на этапе морфологической фиксации типов и вариантов, лучше всего подтверждается отсутствие строгих критериев визуального метода классификации.

В.А.Колотухин вернулся к основному принципу А.М.Лескова, разделив посуду на кухонную и столовую, в сущности на лощеную и нелощеную, и выделив достаточно представительную серию категорий - классов, или же основных типов по А.М.Лескову. В кухонной посуде их стало пять: горшки, сосуды котловидной формы, жаровни, сковороды, дуршлага, в столовой семь: корчаги, грушевидные корчажки, миски, чашки, чаши, черпаки и кубки. Типы и варианты выделялись на основе профиля верхней части и параметров сосудов¹².

В 1996 г. была издана статья И.Н.Храпунова и В.П.Власова, посвященная анализу лепной керамики таврского поселения Шпиль. Отметив несовершенство уже существующих классификаций¹³, исследователи предложили более простую версию, базирующуюся на функцио-

нальных и морфологических особенностях посуды. Керамика была разделена на традиционные категории: горшки, корчаги, дуршлага, миски, чаши, кубки, черпаки и сосуды редких форм. Типология, разработанная на основе условно целых экземпляров, и профилей верхней части сосудов, основой типа была избрана форма тулова, вариант же определялся по форме горла или края¹⁴. Количество типов и вариантов, в сравнении с количеством находок, безусловно, велико, однако при таком дроблении хорошо видны особенности форм лепной керамики.

В 2001 г. С.Н.Сенаторовым была защищена диссертация, специально посвященная керамике кизил-кобинской культуры¹⁵. Исследование базировалось не только на материалах Горного и Степного Крыма, но и на материалах полученных в ходе изучения городов и поселений Европейского Боспора, Херсонеса, с привлечением широкого круга северо-причерноморских аналогий. Принципиальным отличием от предшествующих классификаций стал опыт применения методов формализованного, морфологического анализа посуды в соответствии с традиционными, априорно заданными категориями. Возможно, именно поэтому, полученные группы сосудов оказались слишком малочисленными по составу. В результате была выделена группа корчаг, слабо связанная с другими группами кизил-кобинской посуды, и довольно многочисленные, но небольшие группы сосудов, которые можно было бы рассматривать как типы, однако "...оказалось, что вы-

делить какие-либо типобразующие признаки крайне затруднительно¹⁶, так как между типами существуют переходные группы¹⁷. По соотношению диаметров тулова и горла были выделены такие категории посуды как банки, горшки, кувшины, корчаги, а так же основные типы кубков. Открытые сосуды были разделены на миски, чаши, тарелки. В конечном итоге строгая классификация, из-за несовпадения языка математических методов и образов визуальной типологии, в принципе ограничилась категориями¹⁸. Многочисленные виды орнаментов были сгруппированы по технологии и основным мотивам декора, и положены в основу хронологической группировки кизил-кобинской посуды¹⁹. На материалах Восточного Крыма была выделена особая группа керамики VI – начала III вв. до н.э. с резным орнаментом, выполненным одним острием. Именно техника нанесения декора характеризует восточно-крымскую керамику. В горной части Крымского полуострова, тогда же, по мнению исследователя, самое широкое распространение получили гребенчатые орнаменты. Второй ее признак – нанесение орнаментального пояса в основании горла не наколами, как в развитой кизил-кобинской культуре, а сплошной линией или полосой. Третий признак – высокогорлые кубки с “айвазовским” декором, преимущественно ромбическим, нанесенным в двух зонах на горле и тулове²⁰.

Однако следует заметить, что кизил-кобинская посуда VI-III вв. до н.э. в восточной части Горного Крыма по существу не изучена. В связи с

этим представляется интересным одно из наблюдений В.А. Колотухина. Оно заключается в том, что на поселении Лесное под Судаком, датированном второй половиной IV – первой половиной III в. до н.э., представлены орнаменты, выполненные одним острием. При этом на синхронных поселениях, расположенных близ Симферополя, хорошо известна посуда с гребенчатым декором²¹, западнее же, гребенчатый орнамент распространен очень широко. Второй пример, наличие орнаментов, выполненных одним острием, на керамике позднего, вероятно кизил-кобинского могильника Джалапах, расположенного на отрогах главной горной гряды восточнее Симферополя²². Поэтому, вполне вероятно, что восточно-крымская техника нанесения декора, проявившаяся на востоке Керченского полуострова уже во второй половине – конце VI в. до н.э. распространилась не только здесь и в степи близ Феодосии, но и на востоке Горного Крыма. Однако неясно, как и в каких формах развивался этот процесс. На территориях, лежащих к западу от современного Симферополя, и в горах, и в предгорье, и в степи с V в. до н.э. часто использовали мелкозубчатый гребенчатый орнамент. Сами орнаменты в западной части Крыма тесно связаны с кизил-кобинскими более раннего времени. Мотивы же орнаментации восточно-крымского типа, скорее всего, могут быть соотнесены с традициями характерными для раннего железного века Северного Кавказа. Так, ромбические полотна и цепочки, штриховки в сочетании с

треугольниками хорошо видны уже на корчагах из Краснознаменских курганов²³. Близкие к восточно-крымским орнаменты, нанесенные на горле чашевидных сосудов, подчеркнутые снизу поясками, известны в предскифских могильниках Северного Кавказа²⁴.

В целом, особенностью большинства рассмотренных выше кизил-кобинских классификаций является их интуитивный характер. Для всех группировок характерны выделение основных категорий посуды и последующая морфологическая типологизация, как правило, простая: тип - вариант. Лишь у Х.И.Крис, стремившейся охарактеризовать максимум морфологических особенностей, классификация насыщена многочисленными подтипами, вариантами и разновидностями. Группировка материала осуществляется по единому принципу, на основе визуального изучения морфологии целых форм с последующей сортировкой преимущественно крупных фрагментов, в соответствии с профилем верхней части. Видимо "типологический уклон" привел к тому, что в публикациях материалов конкретных памятников, практически отсутствуют данные для первичного количественного учета морфологических, технологических особенностей, и функционального назначения посуды.

Параллельно с разработкой типологии кизил - кобинской керамики шло изучение лепной посуды Степной Скифии. Здесь классификации строились в принципе по той же схеме, на основе принципов, примененных, в первой половине XX века

Т.Н.Книпович при изучении сосудов Елизаветовского городища на Дону²⁵ и использованных Б.Н. Граковым для выделения типов лепной посуды Каменского городища²⁶. Особенность метода заключалась в создании типологии именно для массового материала поселений, на основе определения типа в соответствии с профилем горла сосуда. При таком подходе в классификациях участвовали весьма представительные выборки, возможно поэтому, именно на материалах поселений Степного Причерноморья и было предпринято сравнение комплексов отдельных памятников в соответствии с количественным распределением керамического боя по категориям и типам. Развитию первичной статистики способствовало и то, что на исследованных поселениях, в количестве доступном для сопоставления, присутствовал античный импорт, разнообразные приемы изучения которого, уже были разработаны.

В 70-е - 80-е гг. методика характеристики лепной керамики причерноморской степи, Степного Крыма и ольвийского региона наиболее полно была отражена в работах Н.А. Гаврилюк²⁷. Например, керамика архаического поселения Большая Черноморка II, разделена на категории. Это горшки, черпаки, кубки, миски, дуршлаги, кувшины, жаровни, крышки. Основным типобразующим признаком избрана форма верхней части сосуда, варианты выделены по форме корпуса²⁸. Аналогичные принципы положены в основу классификации посуды из степных скифских погребений и нижнеднепровских по-

селений²⁹. Распределение сосудов по технологическим особенностям поверхности (лощенные - нелощеные) и назначению (сосуды для мясной, растительной и молочной пищи) явно носит вторичный характер. Необходимо отметить, что именно в работах Н.А.Гаврилюк появился первичный статистический анализ всего массива керамического боя на основе количественных различий между основными группами, категориями, а иногда и типами сосудов. В принципе, близкие приемы применены В.П.Быльковой при описании лепной посуды паятников Нижнего Днепра скифского времени³⁰.

Э.В.Яковенко при характеристике лепной посуды Нимфея и курганных скифских погребений Восточного Крыма³¹, использовала технологическо - морфологическую классификацию, в которой на первом этапе керамика была разделена на отделы, представленные простой и лощеной посудой. Затем были выделены категории, а на следующем этапе группы, или типы в соответствии с профилем верхней части (Яковенко, 1973 с.109; Яковенко, 1978, с.37-38). Тем же методом пользовалась и Е.Г.Кастанаян при классификации лепной посуды боспорских городов³².

В 70-е гг. К.К.Марченко убедительно показал искусственный характер визуальных типологий, вызванный, в частности, существованием большого количества переходных форм³³. Очевидно, в качестве типов фиксируются крайние, но достаточно устойчивые формы сосудов. Но именно они и позволяют судить об этнокультурных и хронологических

особенностях керамических комплексов. Характеризуя керамику Ольвии и Березани, исследователь пошел по пути создания простой, устойчивой и однородной морфологической системы. В ней посуда распределялась по отделам на открытую, закрытую и оригинальную, категории не оговаривались в описании методики, но присутствовали в таксономическом ряду как следующий этап классификации, затем следовали типы, выделенные по профилю верхней части сосудов и варианты, однако не морфологические, а технологические, определявшиеся по особенностям обработки поверхности³⁴.

Из всего сказанного выше, следует то, что, не смотря на интуитивный характер, визуальные морфологические классификации до сих пор остаются основным, если не единственным инструментом систематизации материала. Например классификация лепной керамики Кировского поселения эпохи поздней бронзы, созданная А.М.Лесковым³⁵, продолжает использоваться, тогда как более емкая классификация этого же материала, предложенная Д.В.Деопиком³⁶, изложенная стилем, близким языку точных методов, по ряду причин не получила распространения.

Интуитивные классификации могут начинаться с различных приемов первоначальной группировки. Один из них, функционально - технологический связан с первичным разделением керамики на кухонную и столовую, иногда тарную, что, в сущности, совпадает, или почти совпадает с характеристикой ее в каче-

стве лощеной и нелощеной, затем посуда распределяется по категориям. Другой прием, более соответствующий внутреннему единству морфологических структур, строится на делении керамического массива на открытые, закрытые и специфические формы. Технологические признаки, в таком случае описываются дополнительно. Его логично было бы выдерживать до выделения типов и вариантов, но, как и в первом случае, посуду вскоре разделяют на классы - категории по функциональному принципу и выделяют горшки, миски, кувшины, черпаки, душлаги и т.д. Нередко этот уровень специально не оговаривается, однако достаточно строго выдерживается. Далее, независимо от первичной дифференциации, происходит разделение категорий на типы по морфологическому принципу. При этом в качестве типобразующего признака используется, в основном, профиль верхней части сосуда. Варианты, как правило, выделяются на основе параметров сосуда, а следовательно, изучения целых, или условно целых форм.

Отличия в визуальных классификациях незначительны и проявляются как две тенденции. Первая заключена в том, что типобразующие и вариантообразующие признаки либо меняются местами, что вполне приемлемо, так как сама структура остается относительно устойчивой, либо причудливо переплетаются, сменяя друг друга. Это, в конечном итоге, приводит к нарушению единообразия, выявлению переходов не только между типами, но и между

категориями. Характерный случай - переход от кизил-кобинских чаш к кубкам только за счет изменения диаметра сосуда. Выход, как правило, видят в строгих формализованных методах исследования. Они же, пока не принесли простых, легко доступных результатов, позволяющих отказаться от интуитивных классификаций. Вторая тенденция, связанная с упрощением визуальной классификации, проявилась в ольвийско-березанском исследовании К.К.Марченко. В качестве альтернативы усложненной типологии, была предложена замена морфологического принципа на технологический на уровне определения вариантов.

Все сказанное выше, позволяет принять в качестве основы описания крымской "скифской" керамики простую визуальную классификацию, основанную на категориях, выделяемых по функционально - морфологическому принципу, типах, определяемых по профилям верхней части сосудов и вариантах, в тех случаях, когда существование их можно угадать, базирующихся на параграфах сосудов. Сведения о характере обработки поверхности сосудов, и орнаментации можно ввести изначально, на уровне категорий. Например, кубки, корчаги, кувшины, чаши, черпаки почти всегда являлись лощеными сосудами. Реже, примерно в половине случаев, покрывались лощением миски. При этом у мисок отмечается как двустороннее, так и одностороннее лощение. Лощение редко на таких сосудах как горшки, однако, часть таких сосудов все же подлощена снаружи и по внутренне-

му краю горла. Основная масса горшков относится к посуде nelloщеной, с заглаженной поверхностью. Вообще же, данные об обработке поверхности, о соотношении открытой и закрытой посуды, категориях сосудов, могут стать предметом продуктивного изучения, при проведении первичного статистического анализа и сравнения керамических массивов отдельных памятников. Однако, такая работа на крымских материалах преждевременна.

Сведения о технологии производства минимальны. Известно, что керамическая масса готовилась из местных глин, с добавкой дресвы, песка, толченой ракушки, органическими включениями. Можно отметить, что в Степном Крыму тесто с добавкой песка использовалось чаще, чем в предгорьях, преимущественно при и готовлении лошенных сосудов. Характер формовки сосудов специально не изучался. На обломках крупных горшков как скифских, так и кизил-кобинских иногда видны следы лент шириной до 5 см. Малые сосуды: кубки, черпаки, чашечки, вероятно, формовались из одного куска глины. Гончарный круг для производства местной лепной посуды не использовался, однако образующая венчиков лепных корчаг, иногда близкая к строгому кругу, позволяет предположить, что при их производстве сосуд все же поворачивали вместе с площадкой, на которой он был закреплен.

Технология обжига строго не определена. Преобладание черного, серовато-черного и бурого цвета поверхности и черепка, позволяет ду-

мать, что обжиг производился при температуре до 700° С³⁷. Интересно, что лошенная степная керамика часто имеет коричневатый или коричневатокрасный черепок, что может указывать на обжиг при температуре до 900° С³⁸. Однако поверхность при этом остается черной или буровато-черной. Возможно, это свидетельствует о восстановительном характере обжига, когда для затемнения поверхности в "обжигательную камеру" - печь или яму, перекрывали доступ воздуха и помещали воду или сырые ветки. Интересно, что и по примесям, и по обжигу, в Степном Крыму выделяются отдельные лошенные сосуды близкие, по технологическим особенностям, таким как песок в тесте, и буровато-черный цвет черепка, лошенной посуде предскифского времени.

Сведения об организации керамического производства на раннем этапе отсутствуют. Лишь на двух памятниках хоры Херсонеса, таких как Маслины и Панское 1/6, возникли их не ранее последних десятилетий IV в. до н.э., обнаружено специализированное производство лепной посуды³⁹. Изготовление и сушка сосудов здесь осуществлялись в специально отведенных помещениях. Подобная недорогая, но вполне качественная керамика могла пользоваться спросом не только у греков и варваров, обитателей дальней хоры Херсонеса, но и у кочевников или лукочевников Степного Крыма.

Необходимо отметить и географическое распределение использованного в работе керамического материала. На раннем этапе, широко

датируемом в рамках VII – VI вв. до н. э., основное количество находок происходит из Нимфея и курганных погребений в предгорной части долины Салгира, лишь единичные сосуды найдены в степи, что отражает особенности распространения посуды архаического периода. Немногочисленные материалы из погребений конца VI - V в. до н. э. сравнительно равномерно распределяются по территории Восточного, Степного, Северо-Западного и Предгорного Крыма. В IV - первой четверти III вв. до н. э., в выборке представлена керамика Степного, Восточного и Северо-Западного Крыма, но очень мало лепной посуды предгорий. Объясняется это не ее отсутствием на поселениях, стоянках скотоводов и в погребениях, а особенностями формирования музейных коллекций и плохой изученностью предгорных памятников этого времени.

Хронологическое распределение материала в достаточной степени условно. Четко выраженной гра-

ницы между хронологическими группами керамики VII – VI и V- первой четверти III вв. до н.э., безусловно, нет. Однако заметно, что в последней четверти VI – первых десятилетиях V в. до н. э. в керамических комплексах Нимфея, и ольвийских памятников кизил-кобинская керамика сокращается в количестве и исчезает. В это же время, в Крыму распространяется посуда с восточно-крымским орнаментом, появляются новые типы сосудов. Различия между лепной посудой V в. до н.э. и IV- первой четверти III вв. до н. э. хорошо фиксируются только в центральной части Степного Крыма. В Западном Крыму изменения в керамике заметны, но как бы растянуты во времени. В Восточном Крыму, по ряду причин, в публикациях представлены в основном материалы первой половины V в. до н.э. и второй половины - конца IV – первой четверти III вв. до н.э. Здесь видны серьезные изменения, но недостаточно прояснен их характер и последовательность.

Керамика VII - VI вв. до н.э.

В Степном и Предгорном Крыму до сих пор не обнаружено лепной посуды в комплексах, которые можно было бы однозначно датировать VII в. до н.э. Несомненно, она хорошо представлена на кизил-кобинских поселениях и в могильниках горно-предгорной части Крымского полуострова, однако, изучение таврских древностей выходит за рамки нашей работы. Видимо, посуда этого времени есть в курганных погребениях Предгорного Крыма. Впро-

чем, здесь, широкой датировкой может быть лишь вторая половина VII – VI в. до н.э.

Опыт выделения хронологической группы лепной посуды догреческого варварского поселения в Нимфее, предпринятый С.Н.Сенаторовым, безусловно, интересен, но его результаты нельзя рассматривать как однозначно установленный факт⁴⁰. Нет никаких оснований считать, что такое поселение могло существовать с XII до первой половины VI в. до н.э.

Для этого недостает стратиграфических наблюдений⁴¹. Отсутствие же гончарной греческой керамики в остатках ям "Л" и №14⁴² может объясняться и тем, что она туда не попала, и тем, что заполнение сохранилось фрагментарно из-за последующих перекопов. В материалах раннего слоя есть не только античная и кизилкобинская посуда, но и каменная керамика средней бронзы, и белозерская, относящаяся позднему бронзовому веку. Следовательно, заселение территории, надо думать эпизодическое, происходило уже в эпоху бронзы. Вероятным представляется и перемещение варваров, скорее всего кочевников или полукочевников, в район Керченского пролива, в начальный период греческой колонизации. Понятно, что, по меньшей мере, с конца VII – начала VI в. до н.э. Керченский пролив использовали как морскую коммуникацию, по которой осуществлялась связь с Таганрогским поселением. Нельзя думать, что оно существовало самостоятельно, тем более, будучи единственным, во всем Северо-Восточном Причерноморье. Для этого нет условий, так как узкий пролив со сложной и изменчивой навигационной ситуацией, провоцирует пиратство в нескольких его формах, в результате чего морской путь, скорее всего, закрывается. Сначала, или тогда же греки должны были появиться на Боспоре Киммерийском. Например, в Прикубанье, обменные связи которого именно с греческим Таганрогским поселением, проблематичны, античные импорты конца VII – начала VI в. до н.э. уже известны на могильнике Новозаведенное II.

В заселении Керченского полуострова аборигенными племенами существует определенная тенденция, проявляющаяся с эпохи бронзы. Она заключается в том, что поселения здесь возникают повсеместно и насчитываются десятками. Вновь, эта же особенность проявилась только в IV в. до н.э., при формировании системы варварских сельских поселений на Европейском Боспоре. Виртуальное же "догреческое" поселение на территории будущего Нимфея представляется сейчас единственным и уникальным. Следовательно, возникновение варварского поселка, вряд ли предшествовало началу греческой колонизации Боспора, наоборот, к европейскому берегу пролива варвары могли подтянуться в результате развития колонизационного процесса. Появление апоикии на месте будущего Нимфея относят к первой половине VI в. до н.э. По мнению А.М.Бутягина, это произошло около первой четверти столетия⁴³. Соответственно, керамика, относящая к хронологической группе VIII – первой половины VI вв. до н.э. может датироваться и не столь широким хронологическим диапазоном, а первой половиной VI в. Даже самые ранние стрелы из Нимфея, вполне могли использоваться в это время. Следовательно, С.Н.Сенаторовым выдана рабочая гипотеза, которую, пока, не следует считать решающим аргументом в пользу существования догреческого варварского поселка. Даже в том случае, если его датировку удастся понизить до второй половины – конца VII в. до н.э., скорее всего, придется удревнить и сам Нимфей.

Нимфей. Лепная керамика варварского населения Восточного Крыма в VI в. до н. э. наиболее полно представлена в Нимфее. Для ее первичной этнокультурной атрибуции наиболее приемлемо заключение С.Л.Соловьева, состоящее в том, что носителями лощеной посуды с резным орнаментом, аналогичной или близкой керамике населения Горного Крыма, на юге Степного Причерноморья могло быть смешанное скифо-кизил-кобинское население⁴⁴. Конечно, неясен характер его смешанности, однако, данный тезис переводит в иную, более конструктивную форму давнюю дискуссия между исследователями о том, скифами или таврами являлись варвары архаического Нимфея⁴⁵. При таком подходе легче перейти к анализу культурных традиций. Керамика эта неоднократно, хотя и в незначительном объеме публиковалась. Ее классификацию, предложенную Э.В.Яковенко⁴⁶ можно лишь незначительно дополнить, на основе материалов изученных С.Н.Сенаторовым⁴⁷. К сожалению, типологическая направленность предшествующих исследований не позволяет дать количественную характеристику керамического комплекса. Можно лишь вслед за А.М.Бутягиным⁴⁸, отметить, что среди находок в ямах 30 и 32 количество фрагментов лепной посуды составляло 43-30%. Категории сосудов достаточно полно выявлены уже Э.В.Яковенко. Это горшки, корчаги, кубки, черпаки, чаши, миски.

Нелощеные горшки с дуговидной шейкой являются основным типом (рис.1,1). Они широко рас-

пространены в Северном Причерноморье с эпохи поздней бронзы, известны в архаическое время в ольвийском регионе, в Восточном Приазовье, Прикубанье, в Горном Крыму. Горшки с невысоким вертикальным горлом единичны (рис.1,3). Сосуды этого типа, выделенные А.М.Бутягиным на материалах архаического Мирмекия, по мнению исследователя, связаны с Прикубаньем и известны в материалах Елизаветинского городища и поселения Венцы I⁴⁹. Несколько шире представлены горшки с горлом в виде раструба (рис.1,2). Этот тип сосудов хорошо известен в памятниках многоваликового времени, но позднее практически не представлен в степи, по крайней мере, до VI в. до н.э. Анализируя материалы поселения Большая Черноморка II, исследователи пришли к выводу о том, что такие сосуды происходят от горшков первого типа⁵⁰.

Все, или почти все горшки можно отнести к нелощеным сосудам. Большинство из них лишено орнамента, однако на некоторых присутствует декор из поясков вдавлений или насечек, размещенных преимущественно на венчике, или что реже, на плечиках. Подобный орнамент известен в архаическое время и позднее в лесостепи, в ольвийском регионе⁵¹, в Предгорном Крыму⁵², на Боспоре⁵³. Применялся он на Елизаветовском городище на Дону⁵⁴ и в античном Торике⁵⁵. Безусловно, декор появился в Северном Причерноморье еще в эпоху бронзы, но массово распространился в раннескифское время.

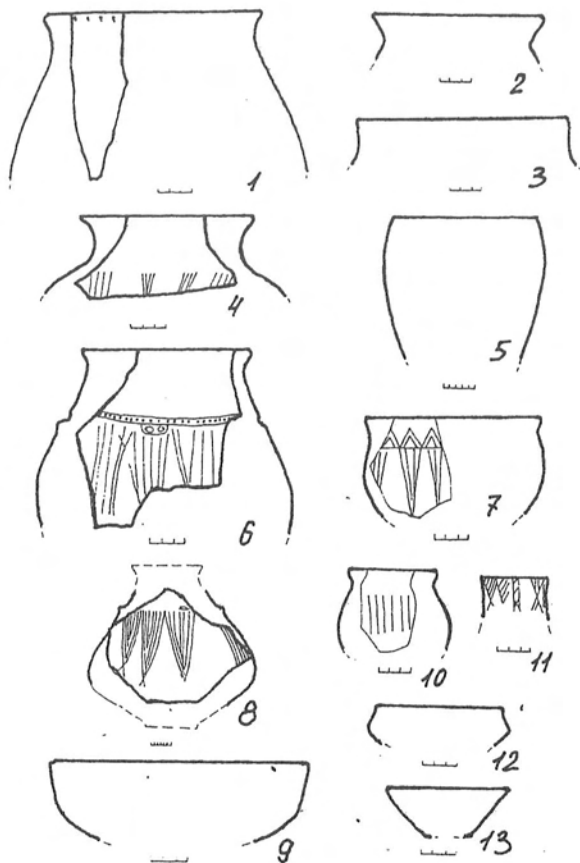

Рисунок 1

Лепная керамика архаического Нимфея по Э.В.Яковенко и С.Н. Сенаторову

Интересен сосуд без венчика, относящийся к особому типу горшков (рис. 1,3). Для Крыма, приольвийского региона, Нижнего Поднепровья такой профиль не характерен. Его присутствие начинает ощущаться на Нижнем Дону⁵⁶, ярко проявляется в Прикубанье⁵⁷ и на Северо-Западном побережье Кавказа⁵⁸.

Корчаги, лощеные сосуды со сравнительно узким устьем и широким туловом, относятся к типу с дуговидным в разрезе горлом. По профилировке корпуса они принадлежат к трем вариантам. Первый - сосуд с биконическим туловом, наиболее расширенным в нижней части, с рельефным и врезным орнаментом (рис. 1,8), представлен одним экземпляром, происходящим из культурного слоя. С.Н.Сенаторов, предложив достаточно убедительную реконструкцию, посчитал его близким корчаге из первого Краснознаменского кургана⁵⁹. Вариант действительно архаичен, но может происходить не от предкавказских корчаг с их зауженным длинным горлом⁶⁰, а от более ранних биконических крымских корчаг⁶¹. Рельефные налеты - шпечки и резной орнамент, в виде свисающих полотнищ, позволяет синхронизировать этот сосуд с основной массой орнаментированной керамики Нимфея и датировать не серединой VII, а VI в. до н.э.

Второй вариант представлен обломками лощеных сосудов с округло-биконическим корпусом, рельефным и резным или только резным орнаментом (рис. 1,6). Его аналогами в кизил-кобинской культуре крымского предгорья можно считать не-

сколько более ранние или синхронные, лощеные корчаги Симферопольского поселения⁶².

Третий вариант представлен корчагой с узким невысоким горлом и широкими плечиками (рис. 1,4). Орнамент резной. Сосуды такого типа хорошо известны в кизил - кобинской керамике поселений второй хронологической группы, в нескольких курганных погребениях предгорной долины Салгира и в материковой степи близ Перекопа⁶³. Интересно, что такая же, но неорнаментированная корчага происходит из погребения Каменка 1⁶⁴, раскопанного в междуречье Миуса - Кальмиуса. Костяная застёжка из этой могилы позволяет датировать памятник келермесским или позднекелермесским временем.

Кубки представлены лощеными сосудами двух типов. К первому с округлым туловом и невысоким плавни - отогнутым венчиком относится большинство из них (рис. 1,10). Часть сосудов не орнаментирована, часть покрыта сложным резным орнаментом в виде заштрихованных треугольников или пучков свисающих линий. Аналогии сосудам этого типа известны в культурных отложениях второй половины VI — начала V в. до н.э. и в закрытых комплексах, в основном второй - третьей четверти VI в. до н.э. на Березани⁶⁵. Такие же сосуды обнаружены на поселениях и в погребениях Горного и Предгорного Крыма⁶⁶.

Второй тип кубков представлен фрагментом высокогорлого лощеного сосуда со сложным резным орнаментом восточно-крымского типа (рис. 1,11). Кубок этого же типа с

высоким горлом и округлым туловом обнаружен вместе с аском VI в. до н.э. близ гробницы V в. до н.э. в Пантикапее (рис.2,9), еще один сосуд происходит с Тамани⁶⁷. Подобный кубок найден и в погребении 17 могильника Фронтное I на Акмонайском перешейке (рис.2,11). Еще один кубок происходит из погребения в курганном могильнике у с. Григорьевка в центральной части Степного Крыма (рис.2,13). Следовательно, тип мог сформироваться в Восточном Крыму, или же, что более вероятно, в районах, прилегающих к Боспору Киммерийскому с востока⁶⁸. Предложенное С.Н.Сенаторовым определение типа, в качестве одного из опорных, при выделении восточно-крымской керамики, вполне правомерно. Показательно, что он исключен исследователем из керамического комплекса "догреческого" поселения в Нимфее. Очевидно, временем появления таких сосудов в Крыму, так же как и временем появления резного орнамента восточно-крымского типа, следует считать вторую половину VI — первые десятилетия V в. до н.э.

Черпаки представлены небольшим количеством неорнаментированных фрагментов сосудов с S-видным профилем и высоко расположенной ручкой.

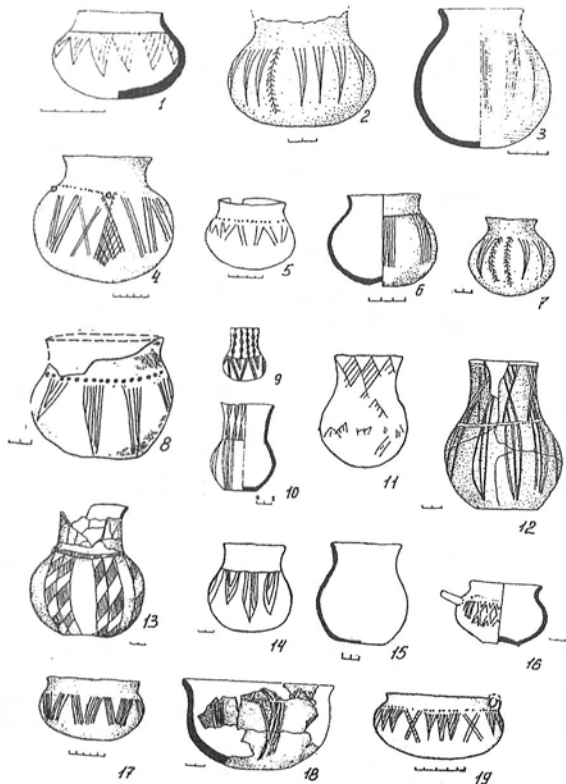
Количество лощенных орнаментированных чаш, или сосудов "реповидной" формы по Х.И.Крис, невелико. Декор на одной из них относится к кизил-кобинской группе резных орнаментов (рис.1,7), возможно, уже испытавших влияние восточно-крымской традиции.

Как лощенные, так и нелощенные миски принадлежат к трем типам. Первый представлен сосудами с коническим корпусом и плоским дном (рис.1,13), второй сосудами с плавно изогнутыми стенками. Подобные формы нейтральны в этнокультурном отношении. Более интересен третий тип, известный по публикации Э.В.Яковенко⁶⁹. Это миски с выделенным бортиком (рис.1,9,12). Ближайшие аналогии им можно найти на синдо-меотской территории, где такие сосуды появляются еще в протомеотский период и широко бытуют позднее⁷⁰.

Даже такая, статистически недифференцированная и обобщенная классификация позволяет выделить в лепной керамике архаического Нимфея, несколько групп посуды с различным генезисом. К первой можно отнести лощеную лепную посуду с кизил-кобинским врезным орнаментом. В принципе категории и типы находят аналогии в лепной керамике кизил-кобинского поселения Шпиль, исследованного несколько лет назад в предгорной части Крымского полуострова близ Симферополя. Хронологические штургии, склонившие В.П.Власова к датировке всего материала в рамках IV в. до н.э.⁷¹, вряд ли правомерны, здесь я полностью согласен с С.Н.Сенаторовым. Например, на поселении обнаружены фрагменты сосудов с простым валиковым орнаментом, который В.А.Колотухин, считает исчезающим к середине VII в. до н.э.⁷². Как бы не была условна эта дата, приходится допустить, что памятник мог появиться еще в VII в. до н.э. О верхней

хронологической границе первого периода существования поселения свидетельствует обломок одного сосуда с ранним гребенчатым орнаментом⁷³. Распространение подобного

декора на Березани, по К.К.Марченко относится ко второй половине VII – VI вв. до н.э.⁷⁴, а с учетом хронологической корректировки, предложенной С.Л.Соловьевым, такая по-

Кубки из погребений

Рисунок 2

суда может датироваться второй - третьей четвертью VI в. до н.э.⁷⁵. Иных же, более поздних видов гребенчатого декора на поселении Шпиль нет. Значит, период широкого распространения гребенчатого орнамента, начинающийся в V в. до н. э. здесь не представлен. Интересно и то, что аналогией архаичной березанской корчаге, украшенной плетенкой из валиков⁷⁶, является корчага из поселения Шпиль⁷⁷. Очевидно, ее следует датировать с учетом березанской находки. Следовательно, широкой датой для лепной посуды из большинства хозяйственных ям может быть VII – VI в. до н.э. Хозяйственные ямы с амфорами первой половины – середины IV в. до н.э.⁷⁸ отражают уже другой этап жизни, этнокультурная характеристика которого достоверно не определена.

К кизил-кобинской керамике Нимфея, на основе способа орнаментации, близка керамика с резным декором восточно-крымского облика. Ее генезис неясен, однако, скорее всего, она связана с керамикой, характерной для варварского населения территорий, примыкающих к проливу с востока.

Следующая группа лепной посуды, обнаруженная в слоях, землянках и ямах архаического Нимфея, вполне сопоставима с лепной посудой Мирмекия того же времени. Это горшки без горла и миски с выделенным бортиком. Таких сосудов немного, но все же они есть. Очевидно, так же как и в Мирмекии⁷⁹, какая-то часть варварского населения Нимфея была связана с синдо-меотским районом Причерноморья.

Особой группой посуды, является большинство горшков с дуговидным и раструбовидным в сечении горлом, с вдавленным орнаментом и без него, и миски первого - второго типов. Такая посуда, в архаическое время не имеет четких этнокультурных признаков. Эти сосуды, генетически родственные керамике эпохи бронзы, характерны для всего Северного Причерноморья. Они известны в Ольвийском регионе и на Боспоре Киммерийском, в Приазовье-Прикубанье, в Лесостепи и в Приднестровье, в Горном Крыму, то есть, во всех зонах оседлости примыкающих к степным пространствам. Со второй половины V в. до н.э., в процессе формирования многочисленного населения в Степной Скифии, такая посуда приобретает скифскую этнокультурную окраску.

Судя по особенностям лепной керамики, в Нимфее, расположенном у пролива - естественной границы между различными группами автохтонного населения, состав варваров был таким же сложным как и на Березанском поселении.

Из скифских, или "скифо-кизил-кобинских" погребений степи и предгорий происходит небольшая, но достаточно выразительная группа лепной посуды. Датировка такой посуды достаточно условна, так как хронологических реперов, позволяющих откорректировать ее даже в пределах половины столетия чрезвычайно мало.

Основное количество находок обнаружено в курганных погребениях, раскопанных в предгорье под Симферополем⁸⁰. Отдельные сосуды

известны в Степном Крыму и на юге причерноморской степи к северу и востоку от Перекопа. П.Н.Шульц и Д.Столяр датировали могилы из района имферопольского водохранилища временем не позднее VI в. до н.э.⁸¹ А.М. Лесков включил их в группу скифских погребений VI в. до н.э.⁸² В.С.Ольховский отнес их VII – VI вв. до н.э.⁸³ Бронзовые наконечники стрел, найденные в трех погребениях, довольно определенно указывают на вторую половину V I – первую половину VI в. до н.э. (Марьино 12/4; Белоглинка) и вторую половину VI – первую половину V в. до н.э. (Пионерское 3/1). При этом необходимо учитывать то, что наконечник из Пионерского, находился в засыпи могилы, плита перекрытия которой была сорвана. Нельзя исключать, что он относится к более позднему времени, чем захоронение. Сама же лепная посуда датируется несколько шире, в рамках второго этапа кизил-кобинской культуры по В.А.Колотухину, или в рамках второго – начала третьего этапов культуры по С.Н.Сенаторову⁸⁴. Орнамент, в большинстве случаев может быть охарактеризован как сложный резной, характерный для кизил-кобинской керамики VII – первой половины VI вв.⁸⁵ Однако образцы такой орнаментации в Горном Крыму можно встретить и в V-IV вв. до н.э., а в выделенной С.Н.Сенаторовым группе восточно-крымской керамики⁸⁶ и позднее. Всего лишь два сосуда декорированы с применением раннего гребенчатого орнамента (Симферопольское водохранилище 8/7, Вилино 2/6). По мнению В.А.

Колотухина, ранний гребенчатый орнамент появляется в Горном Крыму лишь с VI в. до н.э.⁸⁷ С.Н.Сенаторов допускает, что такой орнамент мог распространиться в Северном Причерноморье уже со второй половины VII в. до н.э., хотя применительно к Крыму уверенно пишет лишь о второй половине VI в. до н.э.⁸⁸ Сейчас можно сказать лишь то, что в краснознаменско-келермесское время такой способ нанесения декора уже известен на Северном Кавказе. Нимфейские и березанские материалы свидетельствуют о распространении раннего гребенчатого декора на этих греческих или греко-варварских поселениях со второй четверти – второй половины VI в. до н.э.

Античные импорты появляются в Предгорном Крыму не ранее VI в. до н.э. Стекланные бусы из погребения у с. Белоглинка⁸⁹ могут быть отнесены к этому времени. Фрагмент горла “самосской” амфоры, обнаруженный, на перекрытии могилы Пионерское 2/1⁹⁰ может быть датирован временем не позднее двух первых десятилетий V в. до н.э.⁹¹, вполне вероятно и последние десятилетия VI в. до н.э.⁹² В Степном Крыму, концом VI – началом V в. до н.э. датируется погребение Колоски 5/5⁹³, в котором наряду с лепным сосудом с ранним гребенчатым орнаментом обнаружены бронзовые наконечники стрел и фрагменты “полосатой” амфоры. Следовательно, для архаической группы орнаментированной посуды из подкурганых погребений, на сегодняшний день, следует принять нижнюю хронологическую границу в пределах второй полови-

ной VII в, а верхней считать последние десятилетия VI - первые десятилетия V в. до н.э.

Сами лепные сосуды немногочисленны, это горшки, лощеные орнаментированные корчаги, кубки, черпаки и чаши. Нелощеный орнаментированный горшок из курганного погребения Симферопольское водохранилище 5/2 (рис.4,6) может быть отнесен к типу горшков с дуговидной шейкой, к варианту с широкими плечиками. Орнамент сложный, резной, полностью повторяющий орнаментацию корчаги Симферопольское водохранилище 7/1 (рис.3,5). Орнаментированные горшки известны в кизил - кобинской культуре, в частности на поселении Нейзац⁹⁴. Вероятно, близкую форму и декор имел безранский лощеный орнаментированный сосуд с ручкой⁹⁵ из хозяйственной ямы третьей четверти VI в. до н.э.⁹⁶. К тому же типу, в том случае если этнокультурная атрибуция захоронения верна, можно отнести орнаментированный нелощеный горшок (рис.4,6) из погребения Астанино 9/1⁹⁷ на Керченском полуострове.

Корчаги высотой 20-30 см представлены двумя вариантами. Небольшая широкогорлая округло-биконическая корчага с резным и рельефным орнаментом (рис.3,1) обнаружена в Степном Крыму в погребении Су-санино 2/8 и датирована В.А.Колотухиным второй половиной VII - VI в. до н.э.⁹⁸. Интересно, что фрагменты корчаги со сложным резным и рельефным орнаментом, округло-биконическим туловом и широким горлом, обнаружены в Северо - Восточном Приазовье, в погребении Ка-

мышеватое⁹⁹, которое, судя по костяной застежке, относится к келермесскому времени.

Три сосуда из погребений Симферопольское водохранилище 7/1 и Пионерское 3/1, относятся к варианту корчаг со средневысоким, нешироким, дуговидным в разрезе горлом (рис.3,2,3,5). Орнамент сложный, резной, сочетающийся с рельефным. Аналогии этим широко распространенным сосудам известны на поселениях Предгорного Крыма и в Нимфее. Примером распространения такой посуды за пределами Крымского полуострова, может служить небольшая корчага из погребения Первоконстантиновка 15/2¹⁰⁰, из кургана, расположенного севернее Перекопского перешейка. Возможно, они есть и на Березани, где известны фрагменты корчаг со сходным декором.

Кубки представлены двумя типами. К основному относятся небольшие, сравнительно низкие лощеные орнаментированные сосуды с невысоким дуговидным в разрезе горлом (рис.2,1-7). Кубок из погребения Симферопольское водохранилище 4/2 характеризуется сложным резным орнаментом (рис.2,5). В числе аналогий можно упомянуть кубки из кизил-кобинских поселений Симферопольское и Таш-Джарган 1¹⁰¹, а также орнаментированный лощеный черпак, происходящий из некрополя Березани¹⁰², который, можно отнести ко времени не ранее VI в. до н.э., или ко второй половине этого столетия.¹⁰³ Кубок из погребения Симферопольское водохранилище 8/7 с орнаментом в виде пучков вертикальных линий (рис.2,6) находит

аналогии в архаической керамике
Нимфея VI в. до н.э. Кубки из погребения
Пионерское 3/1 (рис.2,2,7)
по некоторым элементам декора мо-

гут быть сопоставлены с фрагмента-
ми сосудов с Березани¹⁰⁴. Кубок из
погребения Симферопольское водо-
хранилище 14/1 характеризуется

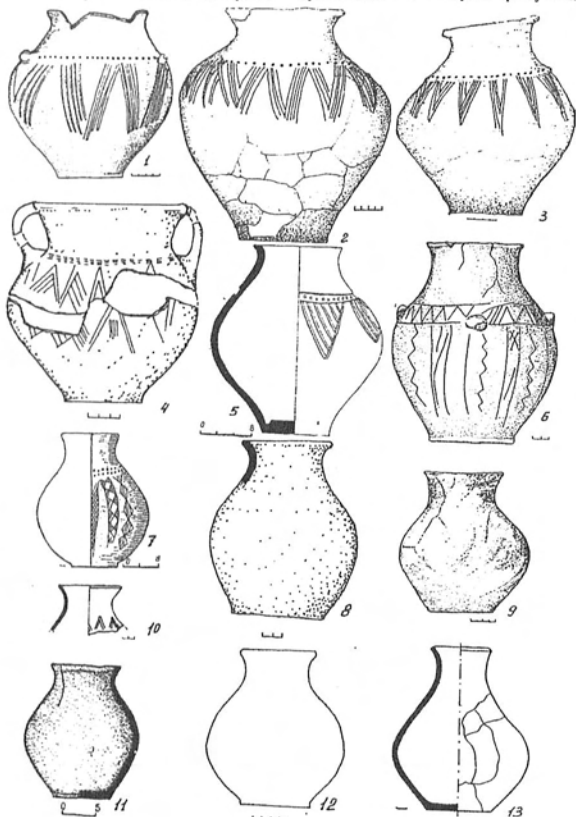

Рисунок 3

Корчаги из погребений. 12 - прорисовка Н.Л.Эрнста

сочетанием рельефного и резного декора (рис. 2, 4). По форме и некоторым особенностям резного орнамента он близок к кубку из Инкерманского поселения, или к кубку из подкурганного погребения Дружное

3/2¹⁰⁵, раскопанного А.А.Щепинским близ Симферополя.

Кубок из погребения в кургане у с. Белоглинка¹⁰⁶ принадлежит к более высокой разновидности этого же типа. Он характеризуется шаровид-

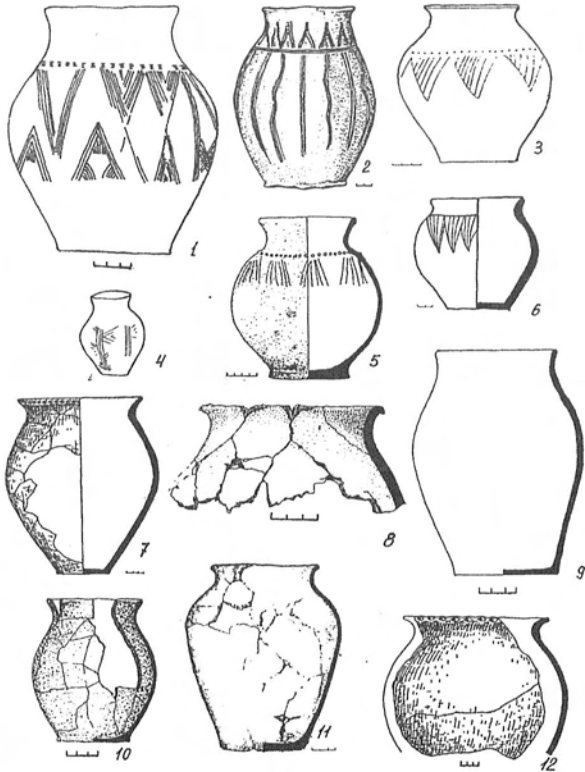

Рисунок 4

Горшки из погребений

ным туловом и сравнительно узким горлом (рис.2,3). Резной декор в виде пучков свисающих линий находит аналогии в горно-предгорных районах Крыма, на Березани¹⁰⁷, в Нимфее. По форме тулова он близок некоторым сосудам, происходящим из Нимфея и Пионерского¹⁰⁸. В принципе, к этому же типу можно отнести кубок или кубковидный сосуд из погребения Приморский 1/3¹⁰⁹ в Северо - Восточном Приазовье. Судя по наконечнику стрелы, последнее погребение датируется келермесским временем. Возможно, округлые кубки отражают предкифскую степную традицию

Второй тип кубков с высоким цилиндрическим горлом, отогнутым венчиком и округлым туловом встречается в Нимфее во второй половине VI – начале V в. до н.э. В горно-предгорной части Крымского полуострова и на юге Степной Украины такие сосуды, с характерным для них декором восточно-крымского или "айвазовского" типа¹¹⁰ в настоящее время неизвестны. Наиболее ранней находкой в Степном Крыму является кубок из погребения Григорьевка 12/2 (рис.2,13), обнаруженный вместе с бронзовой трехлопастной стрелой с шипом¹¹¹. Стрелы такого типа в предкавказских комплексах датируют концом VII – началом VI в. до н.э.¹¹². Типологически близкие, но более легкие стрелы, происходящие из некрополя Ольвии, обнаружены в могилах, отнесенных В.М.Скудной к последней трети VI или к концу VI - рубежу VI – V вв. до н.э.¹¹³. Очевидно, наиболее оптимальной датой для кубка будет VI вв. до н.э.

К третьему же, условно выделяемому типу, можно отнести лощеный кубок с резным орнаментом из погребения Симферопольское водохранилище 6/3 (рис.2,1). Для него характерно низкое горло с вертикальным краем. Высота сосуда вдвое меньше его диаметра. По сути дела, кубки с такими параметрами могут рассматриваться как переходная форма между чашами и кубками. Они характерны для Горного Крыма и являются, скорее всего, еще на первом или в начале второго этапа кизил - кобинской культуры¹¹⁴.

Черпаки, относящиеся к группе лощеных сосудов, единичны. Первый (рис.7,5) по форме аналогичен кубкам первого типа и отличается от них лишь наличием высоко расположенной петельчатой ручки и отсутствием орнамента (Пионерское 3/1). Второй представлен низким неорнаментированным цилиндрическим сосудом из Белоглинки (рис.7,6). Для него характерно отсутствие выраженного горла отогнутый наружу край и плоское дно. Ручка крепится к краю и дну сосуда. Аналогии ему мне не известны.

Лощеные чаши с резным орнаментом, представлены двумя сосудами из погребений в курганах Симферопольского водохранилища 11/8 и 12/1. Это низкие сосуды с широким устьем и коротким, дуговидно отогнутым венчиком (рис.3,17,19). Один из них снабжен небольшой петельчатой ручкой. Многочисленные аналогии этому типу известны в Горном Крыму на памятниках кизил - кобинской культуры, отдельные сосуды обнаружены в Нимфее и на Березани¹¹⁵.

Рассмотренные нами основные категории и типы лепных сосудов, происходящие из курганных погребений Степного и Предгорного Крыма, безусловно, находят многочисленные аналогии в кизил-кобинской керамике Горного Крыма¹¹⁶. Но следует ли рассматривать такую посуду в лишь в качестве таврских изделий, теми или иными путями попадающих к скифам? С такой постановкой вопроса можно было бы согласиться, если бы сосуды находили только в погребениях Степного и Предгорного Крыма. Однако, территория распространения кизил-кобинской керамики не ограничивается Крымским полуостровом. Если Нимфей, на сегодняшний день является крайним юго-восточным пунктом, где фиксируется эта посуда, то западная граница ее распространения соответствует, совершенно условно определяемому, Ольвийско - Березанско - Ягорлыцкому району. Восточной материковой границей, на которой в курганных погребениях раннескифского времени также фиксируется присутствие керамики с резным орнаментом, или кизил-кобинским, или

наиболее близким кизил-кобинскому, окажется район Миуса - Кальмиса¹¹⁷. Очевидно, прав С.Л.Соловьев, пишущий о том, что носителями такой традиции в степи могли бы быть представители скифо-кизил-кобинского населения. Впрочем, необходимо заметить, что кизил-кобинские элементы до сих пор отмечаются лишь в лепной керамике. Погребальные же традиции можно охарактеризовать как скифские.

В VI в. до н.э., скорее всего, во второй половине столетия, в лепной керамике Восточного, Степного и Предгорного Крыма появляется посуда с резным декором восточно-крымского или "айвазовского" типа. Ее происхождение не определено. Некоторые указания И.Т.Кругликовой, на то, что подобные сосуды известны в архаическое время не только на Европейском, но и на Азиатском Боспоре¹¹⁸, позволяет предположить, что восточно-крымский стиль декора и сосуды "типа крынок" т.е. высокогорлые кубки, своим происхождением связаны с территориями, прилегающими к Керченскому проливу с востока.

Лепная керамика V - первой четверти III вв. до н.э.

Применительно к V в. до н.э. и IV – первой четверти III вв. до н.э. можно говорить о том, что на территории Крымского полуострова существует несколько хозяйственно-экологических районов с оседлым варварским населением. В первую очередь, это Горный Крым, заселенный таврами или собственно кизил - кобинцами, где сохраняется керамика характерная для этой культуры. Безусловно,

она изменяется по сравнению с предшествующим временем. Однако о ней можно говорить лишь в самых общих чертах. Вероятно, к оседлой или полuosедлой жизни в предгорьях перешла и часть скифов. По крайней мере, материалы раскопок конца XIX в. и последних лет, свидетельствуют о том, что степень концентрации курганных погребений скифского облика в IV в. до н.э. на

внешней горной гряде близка к той, которую мы наблюдаем на Керченском полуострове. Судя по лепным сосудам, сохранившимся в музейных

коллекциях или понятно описанных исследователями, в таких погребениях находили посуду как с кизил-кобинским декором, так и без него.

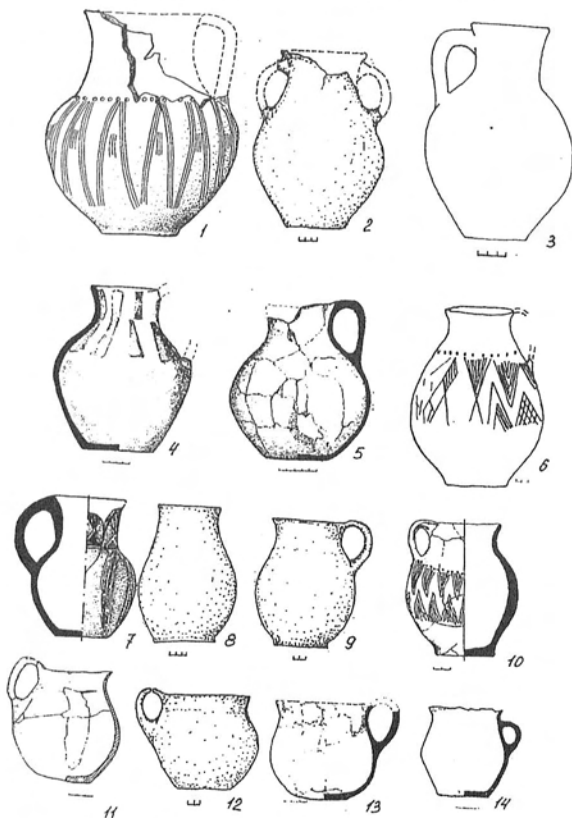

Рисунок 5

Горшки из погребений. 12-прорисовка И.Л.Эрнста

Территорией плотной оседлости варваров в IV в. до н.э. стала территория Восточного Крыма¹¹⁹. В керамическом комплексе селищ, расположенных на Керченском полуост-

рове и селищ, находившихся в степи близ Феодосии хорошо представлена лепная посуда скифских типов, известны и сосуды с восточно-крымским декором.

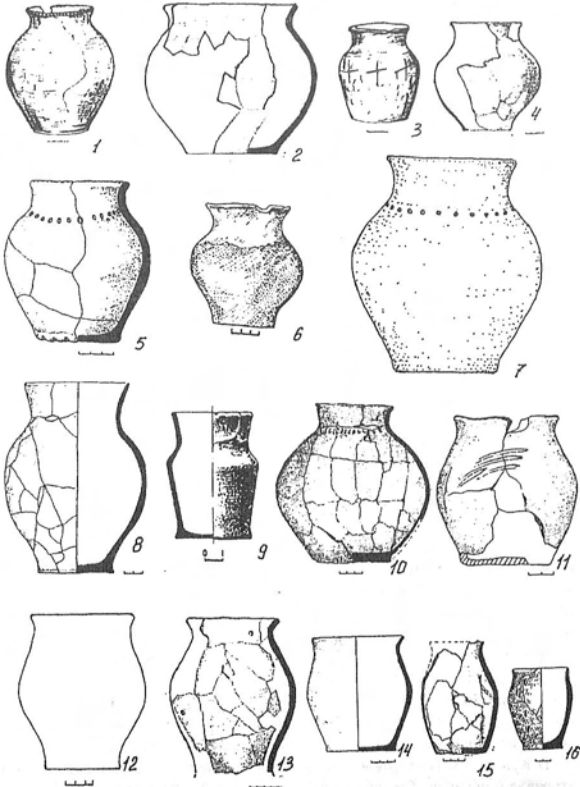

Рисунок 6

Керамика из погребений, сосуды с ручками. 3- прорисовка Н.Л.Эрнста

Некоторые явления, которые могут свидетельствовать в пользу постепенной седантаризации варваров наблюдается и в Северо-Западном Крыму. Во второй половине-конце VI в. до н. э. здесь появляется ионийская апойкия - Керкинитида, превращающаяся к 70-м гг. V в. в город с регулярной застройкой и крепостными стенами¹²⁰. Судя по лепной керамике городища, тут жили не только греки, но и немногочисленные представители аборигенного — таврского, по мнению В.А.Кутайсова, этноса¹²¹. В IV в. до н.э. начинается интенсивное хозяйственное освоение греками побережья Западного Крыма. Судя по особенностям лепной посуды, найденной на поселениях, в этом процессе участвовали не только греки, но и представители нескольких групп автохтонного населения Степного Причерноморья и Крыма. Интересно и то, что в степи, вдоль границы приморской греческой хоры, в ходе разведок, проведенных Северо-Крымской экспедицией в 80-е гг. прошлого века, обнаружены скотоводческие стоянки и несколько поселений с остатками каменных построек. Возможно, в Северо-Западном Крыму в последние десятилетия IV — первые десятилетия III вв. до н.э. начала формироваться группа скифских поселений, экономически связанная с хорой Херсонеса. Однако целенаправленное изучение таких памятников не проводилось. Соответственно сведения об их лепной керамике отсутствуют.

В Крымском Приазовье, существовала и некая особая группа варварского населения, этно-культур-

ная характеристика которой остается предметом дискуссии. Первоначально кочевая или полукочевая, в дальнейшем оседлая, она в IV в. до н.э. вероятно ассимилируется скифами Восточного Крыма. Ее определяющим археологическим признаком остаются могильники из каменных ящиков¹²². Небольшое количество лепных сосудов, найденных в погребениях, на раннем этапе характеризуются декором кизил-кобинского или восточно-крымского облика, позднее они близки скифской керамике Восточного Крыма.

Внутренняя степная часть Крыма, по уже устоявшемуся мнению исследователей, была занята скифским населением, которое вело кочевой, или, в связи с ограниченностью территории, полукочевой образ жизни. Лепная керамика здесь разнообразна, так как население испытывало самые разнообразные культурные влияния. Выделение погребений смешанной скифо-кизил-кобинской группы, охарактеризованной С.Ольховским как группа "КК", правомочно лишь археологически, на основе встречаемости в захоронениях лепных сосудов с кизил-кобинским орнаментом. Все прочие признаки, так же как и в предшествующее время, характеризуют захоронения как скифские.

Керамика поселений. Лепная керамика, встреченная в культурных отложениях боспорских родов, несмотря на многолетние раскопки, изучена явно недостаточно. До сих пор исследователи обращаются к работам И.Т.Кругликовой и Е.Г.Кастанаян, подготовленным в 50-е годы

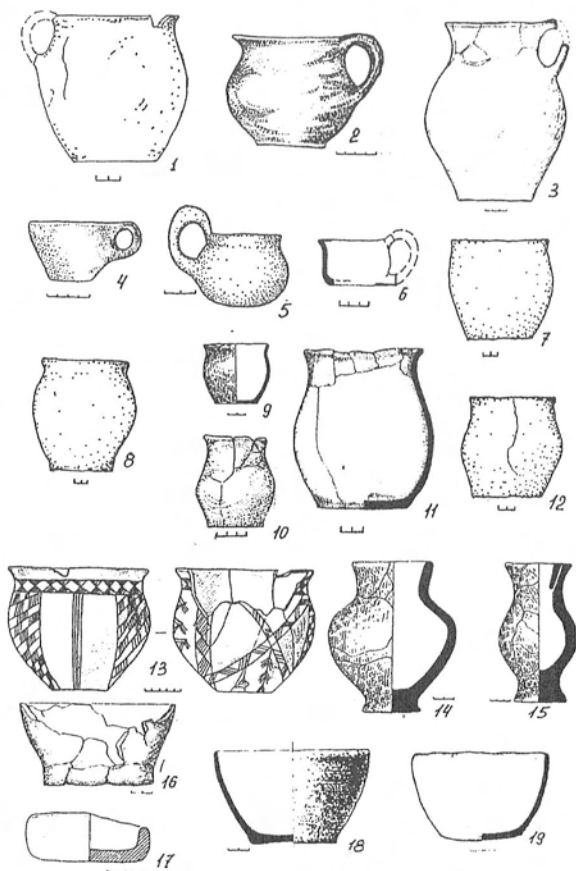

Рисунок 7

Керамика из погребений. Сосуды с ручками, сосуды баночной формы, курильницы, миски

прошлого века. Из них можно получить убедительные свидетельства того, что и в Пантикапее, и в Мирмекии, и в Тиритаке, в слоях VI-V и IV вв. до н.э. находили лепные горшки, нередко украшенные вдавленным орнаментом. В архаическое время, а возможно и позднее, в городских напластованиях встречались единичные обломки лощеных сосудов с восточно-крымским орнаментом, лощеные и не лощеные миски. До сих пор ровно столько же известно о лепной керамике большинства сельских поселений на Керченском полуострове. К сожалению, дело мало изменилось и после появления публикаций, посвященных исследованиям Андреевки Южной и Южно-Чурубашского поселения¹²³. Впрочем, на материалах Андреевки можно уверенно говорить о наличии в керамическом комплексе памятника горшков с вертикальным и раструбовидным горлом, с вдавленным орнаментом и без него. Материалы поселения Марфовка свидетельствуют о существовании в IV-первой четверти III в. до н.э. неорнаментированных горшков с вертикальным венчиком, горшков с дуговидным в разрезе горлом, об украшении горшков вдавленным орнаментом, а некоторых лощеных сосудов восточно-крымским резным декором¹²⁴.

Несколько больше материала происходит с селищ Кринички и Журавки, расположенных в степи севернее Феодосии и датированных А.В.Гавриловым V - первыми десятилетиями III вв. до н.э.¹²⁵. На поселении Журавки в 1974 г. небольшие раскопки провел Е.А.Катюшин. По

данным С.Н. Сенаторова¹²⁶, два жилища, обнаруженные здесь, могут относиться к концу V - началу IV вв. и ко второй - третьей четвертям IV в. до н.э. Материал свидетельствует о том, что на поселении представлены неорнаментированные горшки с дуговидной шейкой. К IV в. до н.э. относятся фрагменты горшков, с вдавленным орнаментом на горле, такой же орнамент известен и на краине дна. Лощеная посуда представлена сосудами с резным орнаментом восточно-крымского типа, выполненным одним острием. В сущности, не больше известно и о поселении Айвазовское, раскапывавшемся И.Т.Кругликовой в 1956 г. в степи, севернее Старого Крыма¹²⁷. В хозяйственных ямах и в слое IV-III вв. до н.э. были обнаружены фрагменты разнообразных лепных сосудов, в том числе и с резным орнаментом восточно-крымского типа¹²⁸. Однако здесь же выявлен и нижний слой, в котором керамика с резным орнаментом, не сопровождается гончарной посудой. Очевидно, его можно датировать временем не позднее VI в. до н.э., так как со времени основания Феодосии, в ее округе начали распространяться античные гончарные сосуды. Интересно и то, что в заполнении древней водоотводной канавы, которую сейчас можно отнести к концу IV - первой четверти III в. до н.э. уже не было обломков сосудов с резным орнаментом.

На поселении Кринички есть керамика, относящаяся к первому этапу кизил-кобинской культуры или к белозерской культуре по-

зднего бронзового века¹²⁹. Более поздняя лощеная орнаментированная посуда представлена кубком с кизил-кобинским резным орнаментом и фрагментами сосудов с орнаментом выполненным одним острием. Лепные не лощеные горшки, с вдавленным декором на венчике, относятся к типам с дуговидной и вертикальной шейкой¹³⁰.

Поселение Новопокровка I, единственное селище с материалами V - первой трети III вв. до н.э. в районе Феодосии, на котором были проведены раскопки большого участка¹³¹, дало в процессе исследований достаточно интересную, хотя и простую коллекцию лепной посуды. Античный материал позволил А.В.Гаврилову отнести вскрытые напластования и многие хозяйственные ямы, и исследованную сырцово-каменную постройку, в основном к последним десятилетиям IV – первой трети III в. до н.э. Серьезные возражения такая хронология вызвала у В.И.Каца, предложившего отнести сооружение сырцово-каменного здания ко времени не позднее конца первой трети IV в. до н.э.¹³². Предположение Каца основывалось на датировке клеем из заполнения одной из хозяйственных ям (№6), предшествовавшей или синхронной постройке. И в слое поселения, и в некоторых хозяйственных ямах, присутствовали фрагменты гончарных сосудов V в. до н.э. В силу этого, датировку известных и в слое и в ямах редких обломков лощеных лепных сосудов с резным орнаментом восточно-крымского типа (рис.8,7,11,12), следует производить в соответствии с широ-

кой датировкой памятника.

В баланс керамического материала IV – первой четверти III вв. до н.э., амфорный бой составляет от 72 до 88 %¹³³. Фрагменты иной античной посуды не превышают 0,5 %. Соответственно, на долю лепной посуды придется 12- 28 %. Однако соглашаться с тем, что при таком соотношении, обменно-торговая функция объекта определена как преимущественная¹³⁴, все же преждевременно. Например, на синхронном Акташском поселении в Восточном Крыму, фрагменты амфор составляют 66%, а на близких по времени поселениях Днепровского лимана, при таком же методе подсчета, амфорный бой достигает 65-80 % керамического материала¹³⁵. Несомненно, большое количество амфор отражает товарно-обменный характер сельскохозяйственного производства в целом, и интенсивность обмена продуктов, производимых на таких поселениях, на продукты, поступающие в амфорной таре. Появление же в некоторых селах монет, наиболее характерных для конца IV – первой трети III в. до н.э., свидетельствует о включении восточно-крымских селищ с варварским, или преимущественно варварским населением, в систему боспорских товарно-денежных отношений. Однако, как конкретно был организован этот процесс, пока неизвестно. Для того, что бы понять способ отчуждения, необходим материал, полученный не на трех квадратах, а на серии опорных памятников. Обилие амфор пока не может подменить собой малочисленность прочей гончарной посуды. Странно

выглядит и специализация такого обменного пункта.

То место, которое следовало бы отвести разнообразной античной посуде, занимает лепная керамика, распределяющаяся по категориям следующим образом: 81% фрагментов принадлежит горшкам, 14% мискам, 5% иным лощеным сосудам. Среди категорий лепной посуды выделяются горшки, миски, а так же редкие черпаки или кувшины с петельчатой ручкой и слабо отогнутым венчиком. Основное количество гор-

шков не имеют лощения, лишь на единичных фрагментах отмечается подлощенность горла с внутренней стороны. Около 20 % венчиков покрыто орнаментом в виде вдавлений и зашипов. Количественно преобладают горшки с дуговидной шейкой (рис.8,1-6,8), среди которых можно выделить варианты удлиненных и укороченных пропорций (рис.8,4,8). Единичными обломками представлены пифосы – горшки с диаметром венчика приближающимся, или превышающим 30 см, широко распрот

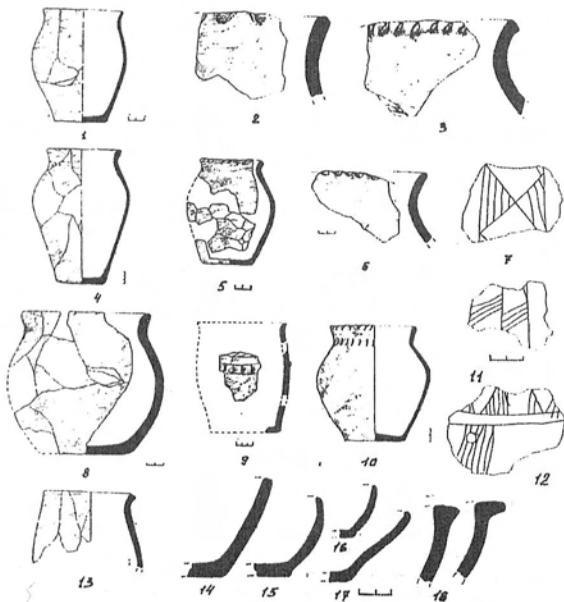

Рисунок 8

Лепная керамика поселения Новопокровка 1 по А.В.Гагрилову

ранены крупные горшки с диаметром венчика около 20 см, и небольшие с диаметром венчика около 10 см. Горшков с вертикальным венчиком практически нет. Единичны сосуды с горлом в виде раструба (рис.8,10). Несколькими фрагментами представлен сосуд баночной формы с рельефным валиком, орнаментированным вдавлениями (рис.8,9). Подобный декор на баночных сосудах встречается в это же время в ольвийском регионе¹³⁶.

Миски, около 50% которых покрыто односторонним или двусторонним лощением, представлены двумя основными типами. Преобладают сосуды с дуговидно изогнутыми стенками (рис.8,14-16). Появляется вариант этого типа с утолщенным или отогнутым наружу краем (рис.8,18). Реже встречаются сосуды с коническими стенками и плоским дном (рис.8,17).

В целом же, лепная керамика Новопокровки I, и на уровне категорий и на уровне типов, проста и представлена в основном сосудами скифского степного облика. При этом количество импортной гончарной посуды, которая могла бы заменить исчезающие традиционные категории лепных лощеных сосудов минимально. В керамическом комплексе практически не прослеживается связь с кизил-кобинской культурой. Отдельные обломки сосудов с восточно-крымским декором могут относиться к раннему времени и отражать иную традицию, могут быть синхронными и свидетельствовать о пережиточных проявлениях некоторых, более ранних орнаментальных приемов, или о связях с горно-предгорной частью Восточного Крыма.

Более строго хронологические рамки определены для Акташского скифского поселения, исследовавшегося в 80-е гг. на Керченском полуострове¹³⁷. Амфорные клейма, обнаруженные здесь, позволяют датировать памятник последними десятилетиями – концом IV – первой четвертью III в. до н.э.¹³⁸. Фрагменты амфор составляют 66% в керамическом балансе памятника. Обломки гончарной и чернолаковой посуды 4%. Скромная коллекция лепной керамики поселения еще более проста, чем в Новопокровке. Это нелощеные горшки трех хорошо известных типов (рис.9,1-5) и варианты мисок первого типа (рис.9,6,7). Интересен горшок третьего типа с зауженным раструбовидным горлом (рис.9,1). Подобные сосуды не характерны для Крыма, однако известны на Каменском городище¹³⁹. Отсутствует лощеная керамика с резным орнаментом. Только один фрагментированный сосуд может быть условно связан с черпаками или кубками предшествующего времени (рис.9,8). Все это позволяет видеть в жителях поздней Новопокровки и Акташского селища скифское население, использовавшее керамику более близкую синхронной лепной посуде Степного Причерноморья, чем кизил-кобинской или восточно-крымской.

В Северо-Западном Крыму лепная керамика известна в Керкинитиде с первой четверти V в. до н.э. Она представлена в публикации фрагментами лощеной, преимущественно орнаментированной посуды¹⁴⁰, нелощеная керамика этого памятника не опубликована. В керамическом комплек-

се V-IV вв. до н.э. присутствуют обломки лощеных неорнаментированных горшков с дуговидным и вертикальным горлом (рис.10, 4,11,14) и сосуда чашевидной формы (рис.10,10). Лощеный черпак (рис.10,20) не отличается от аналогичных сосудов, известных на поселении Новопокровка 1 и в скифских погребениях степного Крыма.

Лощеная орнаментированная корчага с раструбовидным горлом и округло-биконическим туловом, обнаружена в отложениях первой трети V в. до н.э.¹⁴¹ На плечиках расположено несколько петельчатых ручек. Орнамент выполнен трезубым гребнем (рис.10,1). По форме сосуд восходит к кизил-кобинским корчагам, с округло-биконическим туловом, известным не только в горной

части Крыма, но и в Нимфее. Он имеет некоторое сходство с лощеным орнаментированным сосудом с ручками на плечиках, найденным на Березани. Орнаментированный сосуд с подбиконическим туловом и ручками на плечиках встречен и на Инкерманском поселении¹⁴². Аналогичный профиль имеет небольшая орнаментированная корчага с ручками, обнаруженная в предгорном скифском погребении V-IV вв. до н.э. - Кольчугино 1/7. От известных по публикациям сосудов предшествующего времени корчаги из Керкинитиды и Кольчугино отличаются профилировкой горла. Возможно, сочетание округло-биконического тулова и раструбовидного горла появилось в Западном Крыму на сосудах этой категории во второй половине VI - V вв. до н.э.

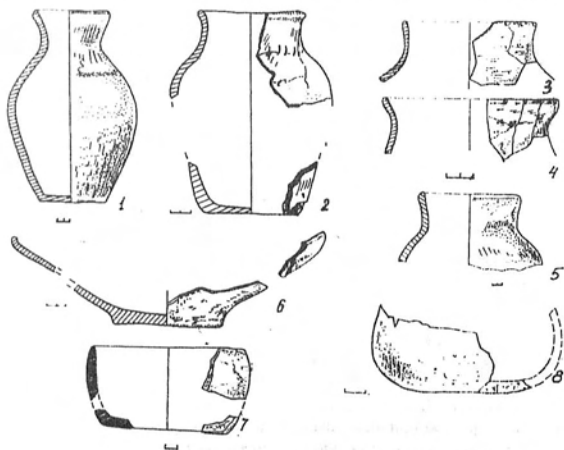

Рисунок 9

Лепная керамика Акташского селища

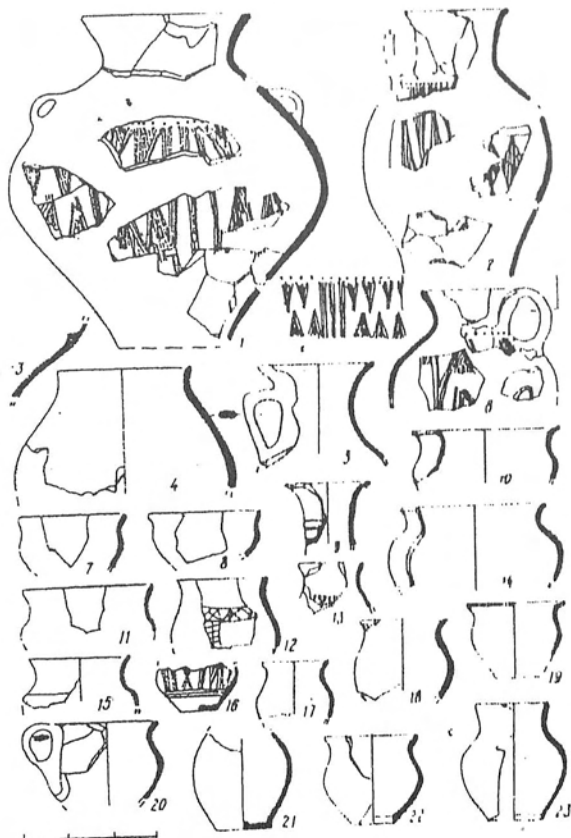

Рисунок 10

Лепная керамика Керкинитиды по В.А. Кутайсову

Несколькими фрагментами представлены кувшины с кизил-кобинским резным и гребенчатым орнаментом, и без него (рис. 10, 2, 5, 6, 9). По форме они могут рассматриваться как подражания античной керамике¹⁴³. Лощеные неорнаментированные кубковидные сосуды, с дуговидной шейкой (рис. 10, 15, 17, 18, 22) относятся к IV в. до н.э., однако, в целом, они стройнее и выше чем кубки кизил-кобинской культуры предшествующего времени. Интересен неорнаментированный сосуд с высоким горлом (рис. 10, 23). Близок ему лощеный кубок из скифского погребения Братское 7/4, относящегося к IV в. до н.э. Орнаментированный сосуд с дуговидной шейкой (рис. 10, 13), относится к концу V – первым десятилетиям IV в. до н.э. Очевидно, близкую форму и декор имеет кувшин из скифского погребения Межводное 9/6. Интересна находка кубковидного сосуда с резным орнаментом восточно-крымского типа (рис. 10, 12), в отложениях III в. до н.э. Для IV в. до н.э. характерны небольшие лощеные чашевидные сосуды с дуговидным венчиком, диаметр которого близок диаметру тулова (рис. 10, 7, 8, 19).

В целом же, прямая связь лощеной керамики Керкинитиды именно с историческими таврами, обитателями Горного Крыма¹⁴⁴ может вызывать сомнения. Рациональнее соотнести ее со скифской степно-предгорной группой "КК" по В.С. Ольховскому¹⁴⁵.

В настоящее время, из-за отсутствия публикаций, вопрос о лепной посуде, дохерсонесских, так называемых, ионийских поселений Панское I и Калос-Лимен, начала - тре-

тьей четверти IV в. до н.э. не может быть поставлен. Немногое известно и о лепной посуде поселений первого херсонесского периода. Результаты исследований Беляуса, Чайки, Южно-Донузлавского городища, пока свидетельствуют только о том, что она здесь присутствовала. Несколько больше мы знаем о керамике поселения Маслины. Однако, она рассмотрена в широких хронологических рамках конца IV – II вв. до н.э.¹⁴⁶, к тому же изданы только фрагменты сосудов с резным орнаментом. Судя по публикации, в культурных отложениях, наряду с редкими обломками, характеризующимися традиционным для кизил-кобинской культуры гребенчатым декором, встречаются, но еще реже, фрагменты с орнаментом восточно-крымского варианта, с его ромбами и полотнищами, выполненными одним острием. Из общего описания лепной посуды следует то, что в пересчете на бой, она составляла 30 %, в керамическом балансе памятника. Преобладали горшки, на 40 % которых был нанесен вдавленный орнамент. В целом, лепная посуда, по определению В.А. Латышевой, близка к скифской керамике Степного Крыма¹⁴⁷.

Полноценная публикация осуществлена только по материалам усадьбы 6 поселения Панское, относящейся к периоду 320/310- 270 гг. до н.э.¹⁴⁸. Здесь лепная посуда, при пересчете на целые формы заняла первое место. Опубликованный каталог учитывает 130 лепных сосудов, 97 из них относится к горшкам, 25 из которых, покрыто декором в виде вдавленных, насечек, зашипов. Преобладают

сосуды с дуговидной шейкой (рис. 11, 1-3), однако, многие из них за счет достаточно большой высоты горла, представляет собой как бы переходную форму между первым и третьим типом с его раструбовидным горлом. Аналогичную картину можно наблюдать в скифской керамике Нижнего Поднепровья¹⁴⁹. Одним экземпляром представлен горшок стройного варианта с диаметром высокого горла близким диаметру тулова (рис. 11, 1) связанный В.Ф. Столбой с керамикой кизил-кобинского круга¹⁵⁰. Действительно горшки такой формы известны на поселениях Шпиль и Айвазовское¹⁵¹. Однако поиск аналогий можно вести и в Степном Поднепровье¹⁵². Сосуды второго типа с вертикальным горлом единичны, так же как и на синхронных скифских поселениях Акташское и Новопокровка в Восточном Крыму. Значительно больше места, чем на упомянутых памятниках занимают горшки третьего типа с раструбовидным горлом (рис. 11, 4, 5). Аналогии им известны уже в позднерхаическое время в ольвийском регионе¹⁵³, а несколько позже на Каменском городище (Гаврилюк, 1999, рис. 8, 1-7) и на селищах Нижнего Поднепровья¹⁵⁴. Особенностью некоторых является валик в основании горла, что характерно для ольвийско-нижнеднепровского района.

Фрагменты лепных сосудов кувшиновидной формы единичны. Аналогии сосуду с высоким коническим горлом и отогнутым венчиком мне неизвестны (рис. 11, 8). По вполне убедительному мнению В.Ф. Столбы, лепной кувшин с округлым туловом, плос-

ким дном и высоким, дуговидно расширяющимся горлом (рис. 11, 9) представляет собой подражание гончарной керамике¹⁵⁵. Интересен лощеный кувшин с гребенчатым орнаментом (рис. 11, 7). Близкую профилировку, орнаментальные приемы и мотивы можно найти в лепной посуде Керкинитиды V-IV вв. до н.э.¹⁵⁶. Очевидно, такие сосуды в Северо-Западном Крыму представляют собой синтез античной морфологической и кизил-кобинской орнаментальной традиций и бытуют здесь, по меньшей мере, до первой четверти III в. до н.э.

Немногочисленные лепные миски представлены исключительно сосудами с изогнутыми стенками, т.е. первым типом (рис. 11, 10, 11), известна и миниатюрная лепная солонка (рис. 11, 12). Подобная керамика не имеет четко выраженных этнокультурных особенностей. Интересна крышка лепного сосуда (рис. 11, 14) и "алтарик" (рис. 11, 13). Крышки характерны для ольвийско-нижнеднепровского района, алтарики же, хорошо известны позднее в позднескифской культуре. Остальные лепные сосуды являются прямым подражанием греческой кухонной посуде.

В целом, лепная керамика памятника, вполне определенно указывает на район Ольвии и Нижнего Днепра, возможно на восточную часть ольвийской хоры, откуда и могло появиться население, обитавшее в усадьбе 6. Это позволяет высказаться в поддержку мнения об ольвийском происхождении поселения Панское I¹⁵⁷ и отказаться от его размытой характеристики в качестве ионийского памятника. Слабее про-

являются черты характерные для лепной посуды Керкинитиды и варварского населения Западного Крыма. Предположение же о возможности переселения херсонеситами в Северо-Западный Крым варварского - "таврского" населения, на материалах усадьбы 6 не подтверждается. Для этого достаточно сравнить материалы усадьбы и позднего кизилкобинского поселения Карань 2¹⁵⁸, расположенного в Юго-Западном Крыму близ Херсонеса.

Лепная керамика, происходящая из погребений в степных и предгорных курганах, и степных бескурганых могильниках, многочисленнее и разнообразнее, чем в предшествующее время. На уровне категорий она представлена горшками, небольшими корчагами или корчаговидными сосудами, кувшинами, кубками, мисками, чашами, черпаками.

Горшки в погребениях представлены сосудами двух основных типов: с дуговидным в разрезе горлом и рас-

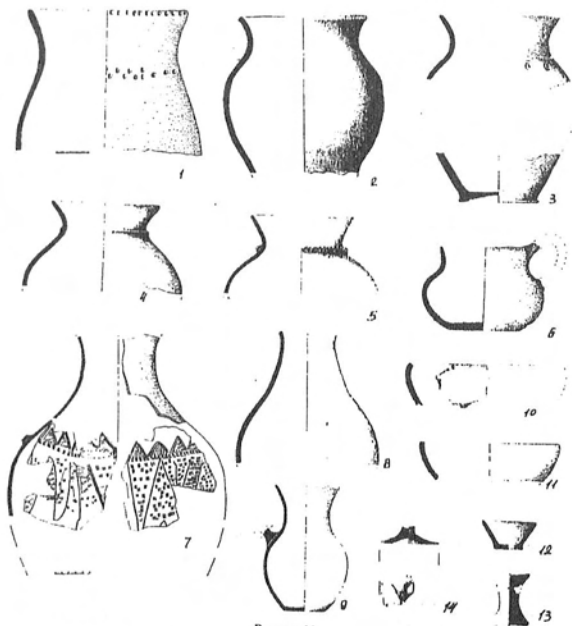

Рисунок 11

Лепная керамика усадьбы Панское 1/6

трубовидным горлом. Наиболее широко в погребальном обряде, как и на поселениях, использовались горшки с дуговидной в разрезе шейкой. По форме тулова можно выделить среднеширокий, стройный и подбиконический варианты. Интересны два сравнительно высокогорлых нелощеных сосуда с широкими плечиками (рис.5,4,6) из восточно-присивашских катакомбных погребений Владимирова 1/1 и Владимирова 1/4, датированных временем не ранее второй половины IV в. до н.э.¹⁵⁹ В западном Присивашье такой же горшок найден в кургане IV в. у с. Крепкое (рис.5,7). Скорее всего, эта разновидность в Крымском Присивашье отражает не местную, а материковую степную традицию¹⁶⁰.

Основное количество учтенных горшков характеризуется средневысоким и низким горлом. KV в. до н. э. относятся два лощеных орнаментированных горшка с гребенчатым и резным орнаментами происходящие из курганных погребений. Сосуд с кизил-кобинским декором обнаружен в погребении Кольчугино 4/4 (рис.4,1), исследованном А.А.Щепинским в 1970 г. в предгорье западнее Симферополя. Второй сосуд, с орнаментом, близким восточно-крымскому, происходит из предгорного кургана 1/1895 г. раскопанного Н.И.Веселовским в имении Бобовича к северо-западу от Симферополя (рис.4,4). Остальные нелощеные сосуды средних и небольших размеров происходят из курганных погребений и захоронений в грунтовых могильниках, датируемых IV в. до н.э., несколько сосудов орнаментиро-

вано вдавленным декором. Орнаментальные пояски чаще всего расположены на венчике, изредка на плечиках и закраине дна. В Восточном Крыму среднеширокие орнаментированные и неорнаментированные горшки обнаружены в могилах Кирова 3/1 и Ленино 12/1 (рис.4,7,12;7,9) В Восточном Присивашье в погребении Рисовое 6/10 (рис.5,1,3). На границе предгорья и южно-присивашской степи в погребении 7 грунтового могильника у с. Приречное (рис.7,8). В центральной части Степного Крыма в курганных погребениях Дальнее 2/5; Октябрьское 3/1; Краснопартизанская 1/6 (рис.4,11;5,5;4,2,10), в Северо-Западном Крыму в погребении Далекое 7/2 (рис.4,10). Сосуд стройного варианта (рис. 4,9) происходит из погребения Ильичево 30/9, исследованного на Керченском полуострове Северо-Крымской экспедицией. По профилю ему близок небольшой горшок из погребения Ленино 5/12 (рис.5,16). В центральной части Степного Крыма к стройному варианту можно отнести горшок из погребения Далекое 7/4 (рис.5,15). Особенностью таких горшков является слабый отгиб венчика. Биконический горшок обнаружен Н.Л.Эрнстом в 1924 г. Предгорном Крыму, в погребении 3/1 у с. Бахчи-Эли под Симферополем (рис.5,12). В центральной части степного Крыма сосуды такой формы найдены в погребениях Крыловка 19/1 (рис.5,14) и Григорьевка 5/5 (рис.5,11). К типу горшков с дуговидной шейкой может быть отнесено несколько небольших сосудов баночной формы, происходящих из уже упомянутого могильника Приречное

(рис. 7.7, 12), погребения Котельниково 1/5 в центральной части Степного Крыма (рис. 7.8) и погребения Владимирова 1/4 в Присивашье (рис. 7.9).

Горшки с раструбовидным горлом встречаются намного реже. Своеобразен подлощенный орнаментированный сосуд с невысоким округло-биконическим туловом и средневисоким горлом (рис. 5.10). Он происходит из погребения в кургане Дальнее 3, однако датировка захоронения строго не определена. Впрочем, сосуд имеет сходство с кувшином и корчагой (рис. 3.7; 6.4) из скифских погребений V в. до н.э. В степи завершает линию развития небольших нелощеных орнаментированных горшков, характерных для кизил-кобинской культуры, сосуд с округлым туловом и средневисоким горлом (рис. 4.5), украшенный резным орнаментом. По особенностям профилировки горла он близок корчаге из Керкинитиды. Погребение датировано рубежом V-IV - первой половиной IV в. до н.э.¹⁶¹ В Северо-Западном Крыму в погребении Наташино 15/2¹⁶² обнаружен нелощеный высокоротый сосуд (рис. 5.8). Он близок горшкам этого же типа из усадьбы 6 на поселении Панское. Еще один нелощеный горшок (рис. 5.9) из погребения 21/1 Акташского курганного могильника¹⁶³, характеризуется асимметрично-биконическим туловом и четко выраженным ребром. Аналогии ему в скифское время мне неизвестны.

Корчаги. CV в. до н.э. в скифских погребальных комплексах Степного и Предгорного Крыма распространяются небольшие корчаги или корчаговидные лощеные сосуды высотой

15-27 см. Возможно, новые типы сочетают в себе морфологические особенности характерные для кизил-кобинских корчаг и для степных предскифских корчаговидных сосудов. Это можно объяснить как традиционной унификацией форм, и единством технологии производства керамики, так и новым, восточно-крымским импульсом в керамику степно-предгорного крымского района. Во втором случае, придется признать, что для керамики, условно называемой восточно-крымской, характерны определенные традиции сложившиеся еще в предскифское время.

Корчаги с округло-биконическим корпусом и раструбовидным горлом, представлены небольшим сосудом высотой 18 см (рис. 3.4), восходящим ко второму варианту корчаг архаического времени. Он обнаружен в разрушенном погребении Кольчугино 1/1, исследованным А.А.Щепинским в 1970 г. в юго-западной части Предгорного Крыма. По особенностям формы сосуд близок корчаге первых десятилетий V в. до н.э. из Керкинитиды. Лощеная поверхность покрыта кизил-кобинским орнаментом, выполненным мелкозубчатым гребнем. К венчику и плечикам сосуда крепятся две небольшие петельчатые ручки. С этим же комплексом связана ручка меча с овальным навершием. В таком контексте сосуд следует отнести к V-IV вв. до н.э. К сожалению, трехгранные стрелы из этого погребения, которые позволили бы уточнить датировку, не сохранились.

К третьему варианту корчаг, характеризующемуся узким дуговидным в разрезе горлом относится вер-

хняя часть сосуда с резным декором (рис.3,10) из гробницы 16/25 могильника Стоячий Камень в Крымском Приазовье, датированной концом VI – V вв. до н.э.¹⁶⁶.

Очевидно в V в. до н.э. появляется новый вариант корчаг, характеризующийся средневысоким, дуговидным в разрезе горлом и округлым, или округло-грушевидным туловом. Лощенная орнаментированная корчага (рис.3,6) происходит из подкурганного погребения середины - второй половины V в. до н.э. Григорьевка 5/9, раскопанного в центральной части Степного Крыма¹⁶⁷. Тулово покрыто резным орнаментом близким к декору восточно-крымского типа и рельефными налестками. К этому же варианту принадлежит небольшой сосуд с резным орнаментом, сочетающим поясok из наколов, характерный для кизил-кобинской культуры, со сложным декором восточно-крымского типа, происходящий из кургана 1/1895 г. в имени Талаевой близ Симферополя (рис.3,7). Судя по наконечникам стрел из этого погребения¹⁶⁸, сосуд можно датировать первой половиной V в. до н.э. Фрагмент стенки еще одного лощеного сосуда с кизил-кобинским орнаментом, который может быть отнесен к этому варианту корчаг, происходит из степного погребения Октябрьское 4/1, датированного второй половиной V – первой половиной IV в. до н.э.¹⁶⁹. Автору представляется более корректной датировка в рамках второй половины V – начала IV в. до н.э.

В IV в. до н.э. в Степном и Предгорном Крыму резной орнамент на сосудах этого варианта исчезает.

Например, лощенный сосуд (рис.3,9) из погребения Сторожевое 1/4, в степи близ Симферополя, датированного по гераклеийской амфоре началом IV в. до н.э.¹⁷⁰, орнамента не имеет. Аналогичный сосуд (рис.3,12) из погребения Бахчи-Эли 2/1, раскопанного Н.Л.Эристом в 1924 г. на северо-восточной окраине Симферополя, так же лишен орнамента. И в этом случае, дата, определяемая по чернолаковому скифо-киклику, укладывается в рамки двух первых десятилетий IV в. до н.э.¹⁷¹. Такие же сосуды (рис.3,8,11) происходят из погребений IV в. до н.э. Братское 10/2 и Дальнее 2/4¹⁷² в центральной части Степного Крыма.

К морфологически близкому варианту относится лощенная корчажка с округло-биконическим туловом, удлиненным горлом и отогнутым венчиком (рис.3,13). Она обнаружена в склепе 4/1 Акташского курганного могильника, датированном второй половиной IV в. до н.э.¹⁷⁶. Безусловно, ей можно найти аналогии в памятниках раннего этапа кизил-кобинской культуры, однако, ближе аналогии в керамике меотов¹⁷⁷. Датировка погребального сооружения IV в. до н.э. не вызывает сомнений. Но, возникает вопрос, как датируются захоронения в склепе. Судя по своду С.Ротроф, чернолаковая чаша, по которой ранее определялась дата - последняя четверть IV в. до н.э.¹⁷⁸ должна быть отнесена ко времени не ранее II в. до н.э.¹⁷⁹. К сожалению, аналогии №№ 802 и 803 оказались неточными¹⁸⁰. Вообще же, в Акташском могильнике, как и в могильнике Стоячий камень,

нередки захоронения позднеэллинистического времени.

Кувшины, в предгорно - степных скифских погребениях распространяются с конца VI-V вв. до н. э. Среди них можно выделить сосуды близкие по морфологическим особенностям античной гончарной посуде, кувшины, восходящие по форме корпуса и горла к сосудам предскифского или раннескифского времени, кувшины появившиеся в результате прикрепления ручки к сосудам других классов. Отсутствие устойчивых морфологических стандартов подтверждает предположение В.А.Кутайсова, выдвинутое на материалах Керкинитиды, о том, что эта категория посуды появляется в крымской лепной посуде под влиянием античной керамики¹⁸¹.

Как самостоятельный тип можно рассматривать сосуды с невысоким отогнутым венчиком и среднешироким округлым или округло-грушевидным туловом. Лощеный кувшин из погребения Вилино 2/6 в Юго-Западном Крыму¹⁸², покрыт гребенчатым кизил-кобинским орнаментом (рис. 6,10). Он выполнен, двузубым орнаментом, тип орнамента известен на лепной посуде Керкинитиды с первых десятилетий V в. до н.э.¹⁸⁴. Близкий по форме кувшин, но с более поздним гребенчатым орнаментом, обнаружен в Керкинитиде¹⁸³, в слое первой четверти IV в. до н.э. Видимо, кувшин из Вилино может быть датирован концом VI – V в. до н.э. Лощеный кувшин с кизил-кобинским резным орнаментом (рис. 6,6) обнаружен в погребении 9/6 у с. Межводное на Тарханкуте, раскопанном Северо-

Крымской экспедицией в начале 70-х гг. По наконечникам стрел погребение может быть датировано серединой – второй половиной V – первыми десятилетиями IV вв. до н.э. Лощеный орнаментированный сосуд (рис. 6,9) обнаружен в погребении IV в. до н.э. Братское 7/5 в центральной части Степного Крыма. Морфологически, кувшинам близок лощеный сосуд без ручки (рис. 6,8) из погребения IV в. до н.э. Братское 7/6. Скорее всего, такой тип кувшинов и кувшиновидных сосудов появился в лепной керамике Степного и Предгорного Крыма под античным влиянием.

К иному типу относится кувшин (рис. 6,3) с высоким четко выделенным цилиндро-коническим горлом и округлым туловом. Он обнаружен в погребении 3/2 предгорного курганного могильника Бахчи-Эли. Сосуд не имеет надежных кизил-кобинских и скифских степных аналогий, в большей степени он похож на античные гончарные кувшины, и орнаментированный, лепной кувшин из Керкинитиды, подражающий по форме античным образцам, обнаруженный в слое середины - третьей четверти IV в. до н.э.¹⁸⁵. Погребение, 3/2 практически не отличается от погребения 2/1 в соседнем кургане, которое по античному скифо - килику датируется первыми десятилетиями IV в. до н.э. В такой ситуации единственный, бронзовый наконечник стрелы VII – VI вв. до н. э., на котором, иногда, строится датировка могилы, можно рассматривать как культовый предмет, более ранний, чем само погребение.

К третьему типу кувшинов, характеризующемуся высоким дуговид-

ным горлом и округло-биконическим туловом и можно отнести два сосуда. Лощеный кувшин (рис.6,1) происходит из погребения Гришино 1/2 конца V – начала IV в. до н.э.¹⁸⁶, раскопанного в центральной части Степного Крыма. Декор кизил - кобинского типа выполнен гребенчатым орнаментом. Близкая дата – 90-80-е гг. до н.э.¹⁸⁷ установлена для тризны кургана 2 у с. Корнеевка на Левобережье Низового Днепра¹⁸⁸, где обнаружен фрагмент лепного сосуда с таким же орнаментом. По форме сосуд близок округло-биконическим корчагам, известным в крымском предгорье, степи и лесостепи как в предскифское, так и в раннескифское время. Морфологически, к этому же типу относится двуручный лощеный кувшин (рис.6,2) из погребения 10/3, курганного могильника IV в. до н.э. у с. Братское.

Четвертый тип кувшинов со средневысоким раструбовидным горлом и широким округлым туловом с большим дном представлен двумя сосудами. Лощеный орнаментированный кувшин (рис.6,4) обнаружен в погребении Калинино 3/3 в Степном Крыму. Орнамент в виде черных, расходящихся от горла пролощенных полос не типичен для Степного Причерноморья и Горного Крыма. Сосуд следует рассматривать как импорт. Лепная посуда с аналогичным декором известна в греческих городах Азиатского и Европейского Боспора в слоях позднеархаического и классического времени¹⁹¹. Погребение, в котором обнаружен сосуд, отнесено И.И.Вдовиченко к IV в. до н.э. по найденной в нем чернолаковой солонке¹⁹². Одна-

ко, судя по размерам и особенностям профилировки, она датируется временем от второй четверти - середины, до последней четверти V в. до н.э.¹⁹³. Такой дате не противоречит и остальная инвентарь погребения. Морфологически к этому же типу сосудов относится лощеный кувшин (рис.6,5) из погребения IV в. до н.э. Дальнее 7/4 в центральной части Степного Крыма. Вместе с ним был обнаружен лепной горшок, закрытый лепной миской. Подобная особенность размещения посуды не характерна для степных скифов, но известна в погребальной практике меотов.

Широкогогорлый лощеный кувшин (рис.7,3) из погребения Сторожевое 1/2¹⁸⁹, в сущности, является горшком с дуговидным горлом, к которому прикреплена ручка. Он может быть датирован первой половиной IV в. до н.э. Еще один небольшой лощеный кувшин с резным орнаментом (рис.6,7), по профилировке и декору сопоставим с кубками восточнокрымского типа. Он происходит из погребения 31/2 Акташского могильника и датируется временем не позднее середины IV в. до н.э.¹⁹⁰.

Кубки в основном лощеные, на протяжении V в. до н.э. продолжают украшаться резным орнаментом, однако в IV в. до н.э. орнаментация исчезает. Широко распространенные в предшествующее время, сравнительно низкие кубки с короткой дуговидной шейкой и кизил-кобинским орнаментом единичны. В степи тип встречен лишь однажды (рис.2,6). Это небольшой сосуд из погребения 9/3, в кургане могильника у с. Межводное на Тарханкуте, раскопанном в 1972 г.

Судя материалам из погребений скифского времени в этом кургане, они были совершены не ранее V в. до н.э. и не позднее первой половины IV в. до н.э.

В V – IV вв. на Керченском полуострове и в Степном Крыму бытуют восточно-крымские кубки с высоким или средневысоким горлом. Ранний вариант с высоким цилиндрическим горлом, округлым туловом и резным орнаментом известен на Керченском полуострове. Такой сосуд обнаружен в относящемся к V в. до н.э. погребении 17 грунтового могильника Фронтное I (рис.2,11), Вероятно, верхней хронологической границей для высокогорлых сосудов с округлым туловом и слабо выраженным дном окажется первая половина V в. до н.э. Более поздними являются небольшие высокогорлые сосуды с плоским дном. Один из них найден в степи близ Феодосии на поселении Журавки I (рис.2,10), где в подъемном материале, вместе керамикой IV – первых десятилетий III в. до н.э., встречаются фрагменты чернофигурных сосудов и амфор V в. до н.э. Второй – из Акташского курганного могильника, уже упомянутый при описании кувшинов (рис.6,7), относится ко времени не позднее середины IV в. до н.э. Третий (рис.2,12) обнаружен в центральной части Степного Крыма в разрушенном погребении кургана 21 у с. Григорьевка¹⁹⁴. Видимо, такие кубки могут быть широко датированы V-первой половиной IV в. до н.э.

Вариант, характеризующийся средневысоким цилиндрическим или дуговидным в разрезе горлом, первоначально известен на Керченском

полуострове, а позднее и в Степном Крыму. Один из кубков с резным орнаментом обнаружен в погребении у пос. Аршинцево (рис.2,14), которое, вряд ли датируется временем ранее V в. до н.э. Близкий ему кубок, но с более сложным декором в двух зонах – на горле и тулове, найден в Пантикапее в отложениях “архаического” дома¹⁹⁵. Наиболее поздним является крупный неорнаментированный кубок IV в. до н.э. (рис.2,15). Он происходит из погребения 7/4 курганного могильника у с. Братское.

Черпаки высотой около 10 см, как правило лощеные, но неорнаментированные, известны в погребениях, которые могут быть датированы как IV в. до н.э., так и IV – первыми десятилетиями III в. до н.э. Такие могилы раскапывались в центральной части Степного Крыма и на границе степи и предгорья. Сосуды найдены либо в женских, либо в детских захоронениях. Вероятно, характерный для кизил-кобинской керамики черпак с широким устьем, сравнительно низкой дуговидной в разрезе шейкой, и плавным переходом от стенок ко дну представлен в степи сосудом из погребения Дальнее 7/2¹⁹⁶ (рис.6,13). Сосуды из погребений Березовка 6/5 (рис.7,2), Крыловка 19/1¹⁹⁷ (рис.6,11), Дальнее 4/3¹⁹⁸ (рис.6,14), Братское 11/2 (рис.6,12), Григорьевка 15/2 (рис.7,1), представляют собой небольшие лощеные горшки с дуговидной в разрезе шейкой к которым прикреплена ручка. Черпак из погребения Березовка 6/5, в сущности, миниатюрная миска с вертикальной петельчатой ручкой (рис.7,4). Сосуды такой формы существовали как в

ранних кизил-кобинских памятниках Горного Крыма¹⁹⁹, так и в лесостепных древностях скифского времени.

Лощеные чаши с кизил-кобинским резным орнаментом единичны. По форме одна из чаш, восходит к кизил-кобинским чашам предшествующего времени, однако отличается от них отсутствием шейки (рис. 2.18). Она происходит из погребения Гришино 5/7, датированного V – первой половиной IV в. до н.э.²⁰⁰. На таврском памятнике Кызык-Кулак-Кая в Юго-Западном Крыму найден фрагмент лощеной чаши с близким профилем и декором²⁰¹.

Иным вариантом является орнаментированная лощеная чаша выделенной шейкой, несколько отличными пропорциями, вогнутым дном и горизонтальной петельчатой ручкой, обнаруженная в погребении Колоски 5/5 в Северо-Западном Крыму (рис. 2.16). По комплексу она датируется концом VI – первой половиной V в. до н.э. Близкую форму имеют орнаментированные сосуды таврских поселений Инкерманское и Сахарная Головка²⁰², а так же широкие, призмистые кубки Инкерманского поселения²⁰³. Появление же горизонтальной ручки можно связать с влиянием образцов античной посуды, например чаш с одной ручкой, что вполне вероятно в Северо-Западном Крыму, где уже возникла Керкинитида.

Близок к чашам по параметрам небольшой средневысокий сосуд с широким устьем и дуговидным краем и резным орнаментом восточно-крымского типа (рис. 7, 13). Он происходит из погребения второй половины V – первой половины IV в. до н.э.

Березовка 6/5 на Тарханкуте²⁰⁴. Сходный профиль имеют венчики лощеных сосудов с резным декором из поселений Айвазовское и Лесное²⁰⁵, одно из которых расположено на границе степи и Предгорья, второе в Горном Крыму. Такой же сосуд с восточно-крымским резным орнаментом обнаружен А.В. Гавриловым на поселении Новопокровка 3 в степи близ Феодосии. Он находился в слое пожара, который можно датировать V – первыми десятилетиями IV вв. до н.э. По существу аналогичный профиль и близкий декор характерен для фрагментированного сосуда из могильника Стоячий камень в Восточном Крыму. Погребение 5, в котором он найден, содержит инвентарь, датируемый не только ранним V до н.э., но и более поздним временем²⁰⁶. Собственно чаши – более низкие сосуды с близким профилем и резным орнаментом известны в скифское время на Северном Кавказе²⁰⁷. Если исходить из формы и декора на горле, то прототип следует искать на памятниках эпохи поздней бронзы. Однако, учитывая возникающий в таком случае хронологический разрыв, занимающий несколько столетий, а также ориентируясь на комбинацию формы и декора в целом, можно предположить, что такой тип чашевидных сосудов, распространяется в Степном и Горном Крыму вместе с восточно-крымской керамикой.

Небольшие, обычно нелощенные миски, происходящие из погребений единичны. Сосуды конической формы встречены в курганных погребениях: Григорьевка 5/5, датированном концом V – началом IV в. до

н.э.²⁰⁸ и Ильичево 31/3, раскопанном СКЭ в 1973 г. и относящемся к IV в. до н. э. Миски с дуговидными стенками известны в датированном IV в. до н.э. погребении 30/39 могильника Стоячий камень²⁰⁹, в погребении 21/1 Акташского курганного могильника, датированном IV в. до н. э.²¹⁰ (рис. 7,18) в курганном погребении IV – первой четверти III в. до н.э. Дальнее 7/4²¹¹ (рис. 7,19). Плошка с короткими вертикальными стенками обнаружена в курганном погребении Крыловка 19/1 (рис. 7,17), отнесенном к IV в. до н.э.²¹². Сосуды этих типов, известны с раннескифского времени, но широко распространяются в погребениях Степной Скифии к IV в. до н.э.²¹³.

Оригинальную форму имеет миниатюрная сероглиняная миска из гробницы 41/50 могильника Стоячий Камень, датированной концом IV – началом III вв. до н.э.²¹⁴. Это сосуд с изогнутыми стенками, бортиком, образованным широким желобком, расположенным под венчиком и массивным сплошным поддоном. В Крыму и Степной Скифии аналогий мне не известно. Близкий профиль характерен для посуды среднеэоетского периода²¹⁵. Скорее всего, сосуд следует рассматривать как импорт.

Курильницы. Характеристика подобных, в основном лощеных сосудов, обнаруженных в Крыму и относящихся к скифскому времени дана Э.В.Яковенко²¹⁶. Практически все они представлены толстостенными сосудами с симметричной верхней и нижней частью, морфологически близкими горшкам. Безусловно, к IV в. до н.э. относится толстостенная

биконическая курильница с отверстиями из разграбленной могилы Краснопартизанская 1/8 (рис. 5,13), раскопанной в центральной части Степного Крыма. Несколько больше сомнений возникает при датировке сосудов из восточно-крымских и предгорных погребений. Неясна дата стройной курильницы из разграбленного склепа в кургане Ленино 12/1 на Керченском полуострове (рис. 7,15). По форме она близка стройной курильнице из “коллективного” погребения в кургане 1895/2, раскопанного Н.И.Веселовским на землях Черкеса под Симферополем, где найдены три толстостенные курильницы. В погребении Ленино 12/1, обнаружен железный трехлопастной наконечник стрелы, который по корреляционной таблице И.И.Марченко можно отнести ко второй – третьей четверти III в. до н.э.²¹⁷. Реально же, время бытования этого типа может оказаться и более ранним, и более поздним²¹⁸. Не позволяет уточнить датировку курильниц и гробница из кургана Черкеса, погребальный инвентарь которой, относящийся к нескольким столетиям, не разделен по комплексам²¹⁹. Нет строгих оснований и для определения даты асимметричной горшковидной курильницы (рис. 7,14) из кургана Ильичево 6/1. Все сказанное по поводу курильниц свидетельствует о том, что они появляются еще в IV в. до н.э. однако последующую их датировку следует уточнять. Как показывает повторное изучение материала восточно-крымских курганов, здесь в склепах IV в. до н.э. встречаются захоронения, которые следует отнести к III - II вв. до

н. э.²²⁰. Например, красноглиняный бальзамарий, из погребения Ильичево 8/1, сейчас можно уверенно датировать серединой - второй половиной II в. до н. э.²²¹, а на возможность "омоложения" некоторых захоронений в Акташском могильнике автор указывает выше.

В целом, анализ материалов V – первой четверти III в. до н.э. затруднен двумя обстоятельствами. Во-первых, керамику поселений и погребений степной части Крыма, и курганных погребений его предгорной части трудно сравнивать с кизил-кобинской керамикой горного района. Здесь следует окончательно согласиться с уже не раз упоминавшимся мнением В.А.Колотухина о том, что "...представления о керамическом комплексе этого времени носят достаточно общий характер...", так как кизил-кобинские поселения V – III вв. по существу не раскапывались²²². Такие памятники как Карань 2, Лесное, Дружное 3, Таш-Джарган 3, Инкерманское и др., либо изучались малыми площадями, либо недостаточно четко стратифицированы.

Во-вторых, лепная керамика многочисленных поселений Керченского полуострова и степной зоны близ Феодосии, до сих пор изучена слабо. Мы можем ориентироваться лишь на незначительные коллекции таких поселений как Акташское и Новопокровка 1, с материалом, относящимся, в основном, к концу IV – первой четверти III вв. до н.э. Они же показывают абсолютное преобладание горшков и мисок скифских типов. Это свидетельствует, либо об отсутствии прямой преемственности между ке-

рамическим комплексом памятников и кизил-кобинской, или восточно-крымской керамикой, либо о постепенном затухании прежних традиций, и развитии лепной посуды в русле степных скифских традиций. Выяснить, что же произошло на самом деле, скорее всего, удастся после достаточно обстоятельной публикации материалов раскопок таких поселений как Марфовка, Марьевка, Кошара, Золотое Плато. Присутствие обильного амфорного боя говорит о том, что варварские поселения восточной части Степного Крыма были втянуты в интенсивные товарно-обменные, а судя по распространению монет и в товарно-денежные отношения. По сути дела, они являлись частью хозяйственно-экономического организма позднеллассического - раннеэллинистического Боспора.

Лепная керамика Керкинитиды свидетельствует о существовании в Северо-Западном Крыму в скифское время форм и орнаментов, преимущественно гребенчатых, характерных для поздней кизил-кобинской культуры. Возможно, такую керамику, явно отличающуюся от восточно-крымской, со второй половины VI – V вв. до н.э. следует называть западно-крымской. К совершенно иным выводам приводит лепная посуда усадьбы Панское 1/6. Здесь явно выражены традиции, характерные для населения Ольвии, возможно восточной части ольвийской хоры и скифских поселений Нижнего Днепра.

Погребения, несмотря на сравнительно немногочисленную лепную керамику, показывают более яркую картину. В центральной час-

ти Степного Крыма и в предгорье, как и в предшествующее время, в могилы помещалась преимущественно лощеная посуда. С конца VI - V в. до н. э. в Предгорном и Степном Крыму распространяются небольшие орнаментированные корчаги и кувшины. Кубки кизил-кобинской формы с резным орнаментом, с этого времени единичны, по крайней мере, автору известен лишь один экземпляр такого сосуда, относящийся к V в. до н.э. Чаше встречаются орнаментированные кубки восточно-крымского облика. Орнаментированные чаши и чашевидные сосуды редки, для них обычен кизил-кобинский и восточно-крымский орнамент. Следует отметить, что сосуды с кизил-кобинским декором характерны в основном для западной степно-предгорной части Крымского полуострова. Сосуды с восточно-крымским орнаментом, распространяются в западном направлении ориентировочно до линии Симферополь - Перекоп, они известны как в степных, так и в предгорных курганных захоронениях.

С начала IV в. до н.э. в степи и на границе степи и предгорья появляются лощеные неорнаментированные сосуды корчаговидных форм, одноручные и двуручные кувшины. По форме и параметрам они близки сосудам предшествующего времени. Однако следует заметить, что похожие корчаги и кувшины, так же одноручные и двуручные, известны и в погребениях днепровской правобережной лесостепи, датируемых VI-V вв. до н. э.²²³. Скифские горшки с вдавленным орнаментом и без него

известны с IV в. до н.э. во всех районах Степного и Предгорного Крыма, однако, являются преобладающей категорией посуды лишь на востоке полуострова и в Присивашье. В целом же, можно говорить о том, что в V в. до н.э. керамика, используемая в погребальном обряде, все еще отражает традиции предшествующего времени. Более глубокое изменение керамического комплекса, фиксируется с первых десятилетий IV в. до н.э.

В связи с этим, следует сказать несколько слов о времени исчезновения в крымской степи резного и гребенчатого орнамента. Из приведенного выше материала становится понятно, что это отнюдь не единовременный процесс, повсеместно происходивший около середины IV в. до н.э.²²⁴. Так в Северо-Западном Крыму на усадьбе 6 поселения Панское, сосуд с кизил-кобинским декором найден в отложениях конца IV - первой четверти III вв. до н.э. В последние десятилетия IV - первой четверти III вв. до н. э., а возможно и позднее такой же орнамент бытует на посуде поселения Маслины. В Керкинитиде он существует, по меньшей мере, до конца IV - III вв. до н. э. Несомненно, тавро-скифское население Западного Крыма, связанное с Херсонесом и его хорой, сохранило кизил - кобинские традиции в изготовлении лепной посуды, по меньшей мере, до разгрома хоры Херсонеса, произошедшего в 70-е гг. III в. до н.э. В центральной части Степного Крыма наиболее поздние сосуды с кизил-кобинским и восточно-крымским орнаментом относятся ко времени не позднее конца V -

первых десятилетий IV в. до н.э. В раннем IV в. до н.э. здесь на смену посуде с резным и гребенчатым декором приходят неорнаментированные сосуды. Возможно, следы такого процесса фиксируется и на Нижнем Днепре. Так фрагмент сосуда с кизил-кобинским орнаментом из кургана Корнеевка 2, датируется 90-80-ми гг. IV в. до н.э. Фрагменты лепных сосудов с поздним кизил-кобинским орнаментом на Каменском городище найдены в нижних отложениях раскопа II, которые датируют временем несколько более ранним, чем третья четверть IV в. до н.э.²²⁵. Близкая ситуация отмечается и в восточной части Крыма. Например, на расположенном в пределах Керченского полуострова Акташском селище конца IV - первой четверти III в. до н.э. орнаментированной керамики уже нет. В Акташском могильнике единственный сосуд с восточно-крымским орнаментом отнесен ко времени не позднее середины IV в. до н.э. В степи близ Феодосии керамика с восточно-крымским орнаментом встречена на многих селищах, однако здесь она не имеет надежной датировки. Впрочем, при знакомстве с материалами поселения Новопокровка I, складывается впечатление, что орнаментированная посуда в течении IV в. до н.э. и здесь либо выходит, либо почти выходит из употребления.

Итак, опираясь на материалы поселений и погребений, мы можем достаточно уверенно говорить о том, что в Степном и Предгорном Крыму, в VII - VI вв. до н.э. господствуют традиции изготовления лепной посу-

ды, полностью, или почти полностью совпадающие с теми, которые существовали в кизил - кобинской культуре Горного Крыма. Во второй половине - конце VI - V вв. до н.э. распространяется керамика восточно-крымского облика, хотя она и не вытесняет собственно кизил-кобинскую посуду, сохраняющуюся в горах и в Северо-Западном Крыму. Заметные изменения в керамическом материале происходят не позднее первой четверти IV в. до н.э. в центральном районе Степного Крыма и во внешней части предгорья. Здесь на смену орнаментированной посуде приходит посуда без орнамента. Широкое распространение простых форм степной скифской керамики фиксируют материалы последних десятилетий IV - первой четверти III в. до н.э., происходящие с поселений Новопокровка и Акташское, расположенных в восточной части Крымского полуострова. Несколько особняком стоит лепная керамика херсонесской усадьбы Панское I/6. Здесь, керамика явно свидетельствует в пользу того, что в освоении Северо-Западного Крыма, могло принимать и принимало участие варварское, или смешанное греко-варварское население, связанное с Ольвией.

Завершение скифского периода в Степном Причерноморье и в Крыму обоснованно относят к первой четверти - первой трети III в. до н.э. Комплексы же позднескифской культуры, фиксируются в Предгорном Крыму с конца III - середины II в. до н.э. Последнее не значит, что здесь нет памятников промежуточного времени, они просто не исследованы. Однако и в

такой ситуации, сравнение сосудов, сведенных в этой работе, с имеющейся, но пока не опубликованной лепной керамикой Неаполя скифского, Добраго и поселений Северо-Западного Крыма, позволит достаточно определенно ответить на вопрос о происхождении позднескифской культуры.

Примечания

1. Власов В.П. Етнокультурні процеси в Криму у III ст.. до н.е. – IV ст.. н.е. (за матеріалами ліпної кераміки). Автореф. дисс. канд.. іст. наук. К., 1999.
2. Сенаторов С.Н. Поселение позднего этапа кизил-кобинской культуры Карань 2 // ХС. Вып. IX. Севастополь, 1998.
3. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма // Симферополь, 2000. С. 62.
4. Храпунов И.Н. Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
5. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы...С. 62.
6. Лесков А.М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. К., 1965. С.91-100.
7. Крис Х.И. Кизил - кобинская культура и тавры // САИ - 1981, вып. Д.1-7. С. 17-20.
8. Крис. Х.И. Ук. соч. С. 20.
9. Там же. С. 30-31, табл.5.
10. Колотухин В.А. Население предгорного и горного Крыма в VI – V вв. до н.э. // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987; Колотухин В.А. Кизил-кобинский посуд VIII – первой половины V ст.. до н.е. // Археология. 1990. № 2.; Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. К., 1996. С.35 – 44.
11. Колотухин В.А. Горный Крым...С.35.
12. Там же. С.36.
13. Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 3-4.
14. Там же. С.4 –5.
15. Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: типология и хронология // Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 2002.
16. Там же.С. 10.
17. Ср. Власов В.П. Етнокультурні процеси в Криму...С.6.
18. Сенаторов С.Н. Ук. соч. С.16.
19. Там же. С. 14-19.
20. Сенаторов С.Н. О восточно - крымской лепной керамике середины VI – первой трети III вв. до н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 299.
21. Колотухин В.А. Горный Крым...С.62-63
22. Лесков А.М. Горный Крым...С.83-85.
23. Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. табл.89.
24. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско - кавказские связи // Скифия и Кавказ К., 1980. рис.5,12,6,2,19.
25. Книпович Т.Н. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по материалам Северо-Кавказской экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. // ИГАИМК, 1935. Вып. 104.
26. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 64 с. 68- 81.
27. Гаврилюк Н.О. Кераміка степових скифських поховань IV-III ст. до н.е. // Археологія. 1984. № 48; Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. Лепная керамика архаического поселения Черноморка II // Древности Степной Скифии. К., 1982; Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. К., 1989.

28. Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. Лепная керамика... С.75.
29. Гаврилюк Н.О. Кераміка степових скифських поховань. С.18-19; Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. С.41-57.
30. Былкова В.П. Лепная керамика поселений Нижнего Поднепровья античной эпохи (VI – первая треть III в. до н.э.) // Древнее Причерноморье: IV чтения памяти П.О.Карышковского. Одесса., 1998; Былкова В.П. Поселения Нижнего Днпра в IV ст.. до н.э. – III ст.. н.э. // Автореф. дисс. канд. ист. наук. К., 1999. С.9-11.
31. Яковенко Е.В. Кулясті курйльниці IV ст. до н.э. – I ст. н.э. // Археологія. 1971. №2; Скифи Східного Криму в V – III ст.. до н.э. К., 1974. С.108-112; Ліпна кераміка VI-V ст. до н.э. з Німфея // Археологія. 1978. №27.
32. Кастаная Е.Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритики // МИА. 1952. №25, Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981. С. 9-10.
33. Марченко К.К. Лепная керамика V- III вв. до н.э. городища у ст. Елизаветовской на Нижнем Дону // СА. 1972. №1. С. 124.
34. Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII - первой половине I в. до н.э. (по материалам лепной керамики). Л., 1988. С. 71 и сл.
35. Лесков А.М. Кировское поселение // Древности восточного Крыма. К.,1970. С. 16-31.
36. Деопик Д.В. Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирово // Древности восточного Крыма. К., 1970.
37. Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии... С. 67.
38. Там же. С. 67.
39. Латышева В.А. О населении херсонесской хоры в Северо - Западном Крыму // Древности. Харьков, 1996, С. 57; L. Hannestad, V. F. Stolba, A.N. Ljueglov. Panskoje I. Volume I. The monumental building U 6. Aarhus University Press, 2002. P. 180.
40. Сенаторов С.Н. О лепной керамике варварского поселения на месте Нимфея // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов северного Причерноморья. СПб., 1999.
41. Там же. С. 60.
42. Сенаторов С.Н. Кизил-кобинская керамика VIII – первой половины VI в. до н.э. из Нимфея // Таманская старина. Вып. 3. СПб., 2000. С.87-88.
43. Бутягин А.М. Варвары на поселениях архаического Боспора по материалам лепной керамики из ранних комплексов Нимфея и Мирмекия // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998. С. 141.
44. Соловьев С.Л. Лепная керамика с резным геометрическим орнаментом Березанского поселения // АСГЭ. Вып. 32. 1995. С.37-38; Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. №4. С.61.
45. Скуднова В.М. Скифские памятники Нимфея // СА. №21.1954. С. 313; Худяк М.М. Из истории Нимфея. Л., 1962, С.13 и сл.; Яковенко Е.В. Ліпна кераміка VI – V ст.. до н.э... С. 41; Шульц П.Н. О некоторых вопросах истории тавров (территория хронология, взаимоотношения с античными городами и скифами) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1957. С.65; Лесков А.М. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове // СА. 1961. №1. С.262; Колотухин В.А. Горный Крым... С.83.
46. Яковенко Е.В. Ліпна кераміка VI – V ст. до н.э...
47. Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: типология и хронология // Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2002. рис.208 – 228.
48. Бутягин А.М. Варвары на поселениях архаического Боспора ...
49. Там же. С. 142.
50. Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. Лепная керамика... С.80.
51. Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии...

52. Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль... С. 15-16.
53. Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. 1954. № 33. С. 81; Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. М., 1981. С. 29, 54-55.
54. Книпович Т.Н. Опыт характеристики... С. 162, 172.
55. Онайко Н.А. Архаический Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 85-86.
56. Марченко К.К. Лепная керамика V-III вв. до н.э... С. 130-131.
57. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 165, 171; Смирнов К.Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской // МИА. 1958. № 64. С. 279.
58. Онайко Н.А. Архаический Торик... С.84-85.
59. Сенаторов С.Н. О лепной керамике варварского поселения... С.64.
60. ср. Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе...табл. 89,4.
61. ср. Колотухин В.А. Горный Крым... рис.38,9;43,10.
62. Там же. Рис. 41,8, 42,1.
63. Крис Х.И. Кизил - кобинская культура... Табл. 19, 3,5,6; Колтухов С.Г. Курганные погребения раннескифского времени в долине Салгира // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Вип. VII. Запоріжжя, 1999. Рис. 4,5,6; Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль... Рис. 5,1; Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции "новочеркаских погребений Северного Причерноморья" // Археологический альманах. № 6. Донецк, 1997. Рис.10,4.
64. Дубовская О.Р. Ук. соч. Рис. 10,11.
65. Соловьев С.Л. Лепная керамика...С.32, рис. 2. 1-5; Марченко К.К. Варвары в составе населения... Рис. 19.
66. Крис Х.И. Кизил - кобинская культура...; Колотухин В.А. Горный Крым...; Колтухов С.Г. Курганные погребения раннескифского времени...
67. Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея... С.82.
68. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник... Рис.1,9.
69. Яковенко Є.В. Ліпна кераміка VI – V ст. до н.е... С. 38, рис. 3.
70. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время М., 1989. Табл.90-91.
71. Власов В.П. О хронологических рамках кизил-кобинской (таврской) культуры // Древности. Харьков, 1996. С. 19.
72. Колотухин В.А. Горный Крым... С.43.
73. Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль... С.18, мотив 18.
74. Марченко К.К. Лепная керамика V-III вв. до н.э... С. 88, 90.
75. Соловьев С.Л. Ук. соч. С.32.
76. Марченко К.К. Лепная керамика V-III вв. до н.э... Рис.22,8.
77. Храпунов И.Н., Власов В.П. Ук. соч. Рис.5,2.
78. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII – II веков до н.э. Саратов, 1999. С.580.
79. Виноградов Ю.А. Ранние комплексы Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород, 1991. С.15; Бутягин А.М. Варвары на поселениях архаического Боспора ...С. 85.
80. Колтухов С.Г. Курганные погребения раннескифского времени...
81. Шульц П.Н., Столяр А.Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира // КСИИМК. Вып.71. 1958. С. 64.
82. Лесков А.М. Горный Крым...С.178.
83. Ольховский В.С. Погребально - поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н.э.). М., 1991. С.85.

84. Колотухин В.А. Горный Крым...С.40; Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры...С.16-18.
85. Сенаторов С.Н. Ук. соч. С.15.
86. Там же. С.19.
87. Колотухин В.А. Горный Крым...С. 44.
88. Сенаторов С.Н. Ук. соч. С. 17-18.
89. Лесков А.М. Горный Крым...Рис. 39,6.
90. Колтухов С.Г. Курганные погребения раннескифского времени... С. 85.
91. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. С. 77. Табл. 16. 1-6.
92. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 8. М., 1993. С.29-30, тип. 2,33.
93. Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время. С. 63. Рис.2.6.
94. Крис Х.И. Кизил - кобинская культура...Табл.10, 3,7.
95. Марченко К.К. Лепная керамика V - III вв. до н.э... Рис.19,7.
96. Соловьев С.Л. Ук. соч.С.36.
97. Яковенко Э.В. Раннескифские погребения Восточного Крыма // Древности степной Скифии. К., 1982. С. 68.
98. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000. С.33.
99. Дубовская О.Р. Ук. соч. Рис.10,5.
100. Там же. Рис.10,4.
101. Крис Х.И. Кизил - кобинская культура...Табл. 29,9; Колотухин В.А. Горный Крым... Рис. 40,19.
102. Капошина С.И. Из истории колонизации нижнего Побужья // МИА. № 50. 1956. Рис. 6.
103. Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966, С. 121.
104. Капошина С.И. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. №50. 1956. Рис. 5,6; Соловьев С.Л. Ук. соч. Рис. 2,13.
105. Крис Х.И. Кизил - кобинская культура...Табл.30,50; 28,2.
106. Троицкая Т.Н. Погребение у с. Белоглинка под Симферополем // СА. 1957. Вып. XXVII; Лесков А.М. Горный Крым...С. 174.
107. Соловьев С.Л. Ук. соч. Рис.1,1,2;2,1,7,13.
108. Колтухов С.Г. Курганные погребения раннескифского времени...Рис. 4,4.
109. Дубовская О.Р. Ук. соч. Рис.10,2.
110. Сенаторов С.Н. О восточно - крымской лепной керамике середины VI - первой трети III вв. до н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999; Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры...С. 19.
111. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Рис.24, 1,2,4,10.
112. Махортых С.В. Скифы на северном Кавказе. К., 1991, с. 50.
113. Скудниова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. Кат. 145, 243.
114. ср. Колотухин В.А. Горный Крым...Рис.48,6, 7.
115. Соловьев С.Л. Ук. соч. Рис 2, 14.
116. Лесков А.М. Горный Крым...Рис. 40; Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль. Рис.3,4.
117. ср. Дубовская О.Р. Ук. соч. Рис.1,22; 8,17,20,54.
118. Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея... С.82.
119. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975; Гаврилов А.В. Сільська округа Феодосії у V - II ст. до н.е. Автореферат дис. канд. іст. наук. К., 1999.
120. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитиды. К.,1990, С.26,43,70.
121. Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987. С.37.

122. ср. Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора VI – I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. 8. 1995. С. 57-62.
123. Кругликова И.Т. Поселение Андреевка Южная // Древности Боспора. 4. М., 2001; Кругликова И.Т. Южно-Чурубашское поселение // Древности Боспора. 5. М., 2002.
124. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. Рис. 27; 28, 2; 29, 2.
125. Гаврилов А.В. Сільска округа Феодосії у V – II ст. до н.е. Автореферат дис. канд. іст. наук. К., 1999.
126. Сенаторов С.Н. О восточно-крымской лепной керамике середины VI – первой трети III вв. до н.э. С. 296.
127. Кругликова И.Т. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 г. // КСИА. Вып. 74. 1959; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С. 72.
128. Лесков А.М. Горный Крым... Рис. 15, 5-11; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... Рис. 31, 32.
129. Гаврилов А.В. Сельская округа Феодосии в V – II вв. до н.э. // Дисс. канд. ист. наук. К., 1999. Рис. 49-13-18.
130. Там же. Рис 19-22.
131. Там же. С. 18.
132. Кац В.И. Пункт обмена зерна на вино на поселении Новопокровка I // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003, С. 135.
133. Там же. С. 137. прим.
134. Там же. С. 136-137.
135. Бесонова С.С., Буянтян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. К., 1988, С. 91; Билкова В.П. Поселения Нижнего Днпра в IV ст. до н.э. – III ст. н.э. // Автореф. канд. іст. наук. К., 1999. С. 9.
136. Марченко К.К. Лепная керамика V-III вв. до н.э. ... Рис. 14.
137. Бесонова С.С., Буянтян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник ...
138. См. Ук. соч. С. 76-90 с хронологическими корректировками по С.Ю. Монохову, Н.Ф. Федосееву и А.В. Гаврилову.
139. Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI – III вв. до н.э. К., 1999. Рис. 8, 2, 6, 8.
140. Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987. С. 27.
141. Там же. С. 31.
142. Крис Х.И. Кизил-кобинская культура... Табл. 21, 1.
143. Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика... С. 34.
144. Там же. С. 37.
145. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность... С. 80.
146. Латышева В.П. Ук. соч. С. 58.
147. Там же. С. 57.
148. L. Hannestad, V. F. Stolba, A. N. Šceglov. Panskoye I. Volume I. The monumental building U 6. Aarhus University Press, 2002, P. 37.
149. Гаврилюк Н.А. Домашнее производство... Рис. 4, 3, 6, 1, 7; 10, 5, 6, 12; 11, 5, 20.
150. L. Hannestad, V. F. Stolba, A. N. Šceglov. Panskoye I... P. 188.
151. Храпунов И.Н., Власов В.П. Кизил-кобинское поселение Шпиль... Рис. 4, 10; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... Рис. 32, 8.
152. Гаврилюк Н.А. Домашнее производство ... Рис. 16, 3.
153. Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. Ук. соч. Рис. 1, 13-17.
154. Гаврилюк Н.А. Ук. соч. Рис. 5, 12, 13, 14, 16.
155. L. Hannestad, V. F. Stolba, A. N. Šceglov. Op. cit. P. 188. Pl. 80, С. 20.
156. Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика... Рис. 1; 4.

157. Щеглов А.Н., Рогов Е.А. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, Нижнем Приднестровье и в Северо – Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии: Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 1985; Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры (типология и хронология) // Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2001. С.151.
158. Сенаторов С.Н. Поселение позднего этапа кизил-кобинской культуры Карань 2.
159. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.11,14.
160. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность...С. 148; Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы...С.71.
161. Колотухин В.А. Ук. соч. С. 22.
162. Там же С. 42.
163. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник... С.47.
164. Гаврилов А.В., Колотухин В.А, Колтухов С.Г. Курган эпохи бронзы и скифский могильник V-III вв. до н.э. у с. Приречное в Крыму // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Вип. X. Запоріжжя, 2002, С.100,103.
165. Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. К., 1970. С.159-160.
166. Маслеников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма. С. 12.
167. ср. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.35-37.
168. Лесков А.М. Горный Крым...Рис.39, 12-16.
169. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.32.
170. Там же. С.53.
171. Sparkes V., Talcott L. Bleck and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centeries B.C. // А.А. 1970. Vol. XII. Kat. 621, 622.
172. Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тошев Г.Н. Курганы Степного Крыма. Запорожье, 1994. С.43.
173. Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика... Рис. 2,13.
174. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.36.
175. Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тошев Г.Н. Курганы Степного Крыма. С.17.
176. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник ... С.114.
177. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VIII в. до н.э. – III в.н.э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, табл. 91, 27.
178. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник... С. 41.
179. Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials. The Athenian Agora. Vol. XXIX. 1997. Cat. 685 .
180. Sparkes V., Talcott L. Bleck and Plain Pottery ...
181. Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика... С.34.
182. Лобода И.И. 2001, С.24.
183. Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика... Рис. 1,6.
184. Там же. С.30 –31.
185. Там же. Рис.2,2.
186. Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Курган скифского времени в Северном Крыму // СА.1986. №4. С.238.
187. Монахов С.Ю. Ук. соч. С. 576.
188. Ковалев Н.В. Полин С.Н. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской обл. // Курганы Степной Скифии. К., 1991, рис. 4.
189. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы...С. 51-52.
190. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Ук. соч. С.48-49.
191. Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея...С.82-83.
192. Колотухин В.А. Ук. соч. С. 25.
193. Sparkes V., Talcott L. Op. cit. Kat. 854, 871.
194. Колотухин В.А. Ук. соч. С.39.

195. Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры (типология и хронология) // Дисс... канд. ист. наук. Рис. 207, 1.
196. Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тошев Г.Н. Ук. соч. С. 57.
197. Колтухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.18,29.
198. Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тошев Г.Н. Ук. соч. С.53.
199. Лесков А.М. Горный Крым...Рис.17.
200. Колотухин В.А. Ук. соч. С.35.
201. Лесков А.М. Горный Крым... Рис. 15,5.
202. Крис Х.И. Кизил-кобинская культура...Табл.16, 7,8.
203. Там же. Табл.28,3,10.
204. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы... С.18-19.
205. Лесков А.М. Горный Крым...Рис. 15,7; Колотухин В.А. Горный Крым...Рис.47,8.
206. Корпусова В.Н., Орлов Р.С. Могильник VI – IV вв. до н.э. на Керченском п-овострове / / Археологія. Вип. 28. 1978. Рис. 3, 8-10.
207. Лесков А.М. Горный Крым...Рис. 38,59; Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе...Табл.89, 12; Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. Табл. 104,19,24.
208. Колотухин В.А. Горный Крым...С. 39.
209. Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма... С. 16.
210. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник... С.115.
211. Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тошев Г.Н. Ук. соч. С.57-58.
212. Колотухин В.А. Ук. соч. С. 30.
213. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Ук. соч. С.48.
214. Масленников А.А. Каменные ящики ... С. 20.
215. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа...Табл. 91,31; 96, 11, 12.
216. Яковенко Е.В. Кулясты курильницы IV ст. до н.э. – I ст. н.э...
217. Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. Рис. 116.
218. ср. Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма...Рис.26,28; Колтухов С.Г. О крымских курганах с "коллективными погребениями" // Поздние скифы Крыма. М., 2001. Рис.5-6; Зайцев Ю.П. Мавзолей царя Силура: факты и комментарии // Поздние скифы Крыма. М., 2001. Рис. 8.
219. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д 1-7. М., 1991. Табл. 46.
220. Колтухов С.Г. О крымских курганах с коллективными погребениями. С.62-63.
221. Παλακωνταντίου Μ.Φ. Εχίνοζ//Ελληνιστική κεραμική αλο τη Θεσσαλία. Αθήνα., 2000. Ευκ 1.
222. Колотухин В.А. Ук. соч. С. 62.
223. Ковпащенко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. К., 1989. Рис.21,1-5; 22, 2,7,10.
224. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник... С.49; Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы...С.19,22,39.
225. Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии...С.49,247,251.